

РУССКИЙ ШАНСОН

Владимир

КОЛЫЧЕВ

Вольному — воля

Владимир Григорьевич Колычев
Вольному – воля
Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»
Серия «Колычев. Русский шансон»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164711
Владимир Колычев. Вольному – воля: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26966-2*

Аннотация

Сбежав из лагеря, где он мотал срок за убийство, Ролан Тихонов решил твердо – с уголовным прошлым покончено. Но оказалось, путь на волю лежит через кровь – один труп, другой... Вроде бы нашлась тихая пристань, где можно начать новую жизнь под чужим именем. Да не дают ему покоя. Бандит Зубодер, с которым Тихонов рванул с зоны, требует отступных. Иначе – смерть. Значит, опять Ролану надо брать в руки оружие и расправляться с врагами. Он верит в свою счастливую звезду, она не обманет...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	35
Глава 3	53
Глава 4	71
Глава 5	85
Глава 6	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Владимир Колычев

Вольному – воля

Глава 1

И снова зона, и снова строгий режим. А ведь можно было бы избежать всего этого. Был шанс начать новую жизнь, но не свернул он со скользкой дорожки. Преступная жизнь, преступные деяния – и вот, как итог, тринадцать лет лишения свободы.

В этот срок были включены полгода, проведенные в следственном изоляторе, но не засчитаны пять месяцев, в течение которых он лежал в больнице, в нейрохирургическом отделении после страшного ранения. Пулю из головы вытащили, пробоину в черепе залатали металлической пластиной. Операция прошла на редкость успешно, но Ролана едва не загубили в реанимации: паршивый уход, даже не дефицит, а полное отсутствие дорогих эффективных лекарств. А с его стороны не было желания жить дальше. Он не хотел выкарабкиваться с того света, хотя понимал, что пропуск в райские кущи за свою греховную жизнь он не заслужил. Но, видимо, и в аду его не очень-то ждали, поэтому не умер он от заражения крови, которым его наградила медсестра, – непонятно, то ли по халатности, то ли по злому умыслу. Не так

давно эта женщина потеряла сына – в пьяной драке он был забит до смерти матерыми уголовниками. Именно поэтому она так невзлюбила Ролана, судимого в прошлом и подследственного в том больничном настоящем. . .

После больницы был следственный изолятор. Далее – суд, приговор, этап на дальнюю лесоповальную зону. Карантинная камера, ржавеющие шконки в три яруса, под грязно-серым потолком яркая до боли в глазах лампочка дежурного освещения. Поздно уже, ночь, но спят не все. Кто-то переговаривается меж собой, кто-то лежит молча и думает о том, что ждет его впереди. Строгий режим – не особый, рецидивисты здесь есть, но и новичков более чем достаточно. Новичкам сейчас сложнее всего. О жизни в зоне они знают в теории, а совсем скоро, возможно уже завтра, для них начнется каторжная практика. У Ролана это вторая ходка, но и у него на душе беспокойно, вопрос наслаивается на вопрос – в голове суматоха. Как примут его в камере, как жить ему дальше, к кому примкнуть, к блатным или мужикам?

В прошлой своей жизни он был отрицалой, состоял в пристяжи смотрящего зоной, имел определенный авторитет. И после, уже на свободе, примкнул к законному вору, исполнял его волю – за что, в сущности, и пострадал. Выжил он чудом, но в чудеса больше не верит. И в сказки о воровском благе тоже. Нет в блатной жизни никакой романтики, есть только кровь и горькие слезы. О воровской короне даже мечтать неохота, не говоря уже о том, чтобы рваться к ней – по

трупам, как по шпалам. Но в то же время жизнь в неволе у него долгая, статья тяжкая – на условно-досрочное рассчитывать не приходится, а блатные на то и блатные, что блат у них должен быть в зоне, привилегии всякие, опять же грев из общака. Можно было бы примкнуть к черноходам из одних только корыстных интересов. Можно было бы, если бы не закавыка. Ролан еще на этапе узнал, что срок ему придется мотать на «красной» зоне, где бал правят менты и активисты-красноповязочники. В смотрящих здесь законный вор, которого до сих пор не развенчали, хотя все знают, что ссучился он еще два-три года назад. И в пристяжи у него такие же суки. Правильные воры держатся здесь не долго – кого не сломишь уговорами и штрафным изолятором, того опускают по беспределу. Здешний «хозяин» ни с кем, говорят, не церемонится – и не счесть, сколько сейчас в петушинных кутках бывших авторитетов. Так что против течения лучше не плыть, тем более, если нет такого желания. С головой у Ролана еще не все в порядке, в непогоду иной раз так болеть начинает, что хоть в петлю лезь. Но сила в руках есть, мощное тело, крепкие ноги – одним словом, на лесоповале он не пропадет. Будет работать, будет валить лес, глядишь, худо-бедно до конца срока доживет. К пятидесяти годам на свободу выйдет. А вот что дальше?

Ролан тяжело вздохнул, повернулся на бок, лицом к стенке, закрыл глаза. Но уснуть он смог только под утро.

А в шесть утра прозвучала команда «Подъем». И кто бы

ты ни был, авторитетный блатной или последний из прокаженных, будь добр, оторви свое брненное тело от шконки и становись в очередь к умывальнику. Откровенных активистов среди новичков еще нет, никто вроде бы не торопится надеть на рукав красную повязку, но все знают, что «кум» уже провел работу с вновь прибывшими зэками, что есть у него в камере свои люди, которые все видят, все замечают и запоминают, чтобы затем донести куда следует.

С Роланом тоже работали. Позавчера с ним разговаривал начальник оперчасти, сорокалетний майор с желтушными глазами. То с одного боку зайдет, то с другого, и так и эдак, дескать, друг другу помогать надо. Пришлось объяснить ему, что мент ему другом никогда не будет. Стучать Ролан отказался наотрез, в актив записываться тоже, но не грубил, говорил спокойно, обстоятельно – чтобы сразу с этапа не залететь в штрафной изолятор. В общем, всем своим видом дал понять начальнику, что вышел он из того возраста, чтобы геройствовать во славу собственного авторитета. Не нужны ему лишние проблемы, и без того по уши в дерьме...

Подъем, утренний туалет. И еще осмотр. Роба должна быть чистой, подворотничок свежим, сапоги начищенными если не до блеска, то близко к тому. Ролан, что называется, соответствовал. Но ему было все равно, что подумает о нем начальник. Главное, чтобы зэковская братия видела в нем человека, привыкшего следить за своим внешним видом. Чистота – залог не только здоровья, но и уважения. Пра-

вильный арестант никогда не опустится до уровня грязного и презренного чушка.

Завтрак Ролана не порадовал. Каша из непонятных злаков с перемолотыми мослами и хрящами, плохо пропеченный хлеб с какой-то соломой, едва подкрашенный теплый чай. Но делать нечего: собственный хабар пуст, как амбар в голодную неурожайную пору, а о передачах с воли можно только мечтать. Некому слать ему грев с воли, разве что мать посылочку раз в месяц соберет.

После обеда из камеры выдернули несколько человек, в том числе и Ролана. Толстощекий зэк из актива с красной повязкой на рукаве выстроил их в коридоре карантинного корпуса. Сытая вывеска, презрительный взгляд, наглая ухмылка от уха до уха – как будто он соль земли, а все остальные прах могильный под его ногами. Был бы Ролан помоложе, он бы сказал этому козлу пару ласковых, а может, и промеж глаз въехал. Но нет в нем прежней прыти, да и не нужны ему конфликты. Поэтому он молча отправился в класс профотбора, где новичков ждала целая комиссия с начальником производства во главе.

Ролан сразу понял, что комиссия была создана для проформы. Никто не заглядывал в его личное дело, никто не спрашивал о полученном на гражданке образовании. Да и ни к чему это было, ведь работа на зоне одна – валить да грузить в лесовозы сосны и ели. И неважно, умеешь ли ты работать бензопилой – все равно и научат, и заставят. Как и

ожидалось, его определили на лесоповал и зачислили в третий отряд, как и всех остальных, кто вместе с ним прибыл на профотбор.

На общем режиме легче, там заключенные живут в общежитиях, по своему устройству напоминающих армейские казармы. Строгий режим – это, в сущности, та же тюрьма, где зэков содержат в камерах, откуда и отправляют на работы. Но «хата», в которую попал Ролан, заметно отличалась от тех, к каким он привык в изоляторах и на пересылках. Большое и довольно-таки светлое помещение; настоящие, с панцирными сетками, койки расставлены плотно одна к другой, зато всего в один ярус. Телевизор под потолком и над самой дверью. Табуретки – с торца каждой шконки, что для тюрьмы большая редкость; затертая до дыр ковровая дорожка от железной двери до центрального окна, забранного одной-единственной решеткой. Выкрашенный свежей краской бетонный пол, довольно-таки свежая побелка, на стенах ни единой скабресной наклейки из мужского журнала или просто хулиганской надписи. Отхожее место вычищено, медный краник над «тюльпаном» надраен до идеального блеска. Ни пылинки, ни хотя бы легкого запаха. Чувствовалось, что за чистотой и порядком здесь следят с пристрастием. Самое удивительное, что людей в камере не было, если, конечно, не считать смазливого смугловатого брюнета, который был занят тем, что ползал на карачках под кроватью с мокрой тряпкой в руках. Глядя на него, Ролан подумал, что вряд ли

в этой камере его считают за человека. В лучшем случае он просто шнырь, а в худшем – изгой неприкасаемый.

– О! Нашего полку прибыло! – то ли для приличия, то ли действительно обрадовался брюнет.

Ролан едва удержался, чтобы не послать его на три буквы. Идиотская какая-то ситуация – новичков в камере больше, чем старожилков. Трое против одного, да и тот, судя по всему, петух позорный. Правильные черты лица, высокий рост, в меру широкие плечи. На воле таких красавчиков обожают женщины, а в тюрьме – особо озабоченные мужланы. Этого, возможно, не только обожают; очень даже может быть, что им еще и пользуются.

– Откуда будете? – спросил парень.

Ответом ему послужила тишина. Ролан был достаточно опытным арестантом для того, чтобы разговаривать с подозрительным красавчиком. И прибывшие с ним мужики казались тертыми калачами.

– А-а, ясно... – Брюнет озадаченно наморщил лоб и провел пальцами по гладкой после бритья щеке. – Зря вы так, мужики. Я не такой, я нормальный. А то, что шуршу в камере, так это по очереди. Сегодня я дневальный, а завтра ты...

«Ты» было обращено к Ролану. Парень смотрел на него беззлобно, но пристально и вглубь.

– А ты не мужик, по ходу, да. Ты из блатных.

Ролан удивленно повел бровью. Он был в робе, руки держал за спиной, чтобы у красавчика и в мыслях не было про-

тянуть ему свою пятерню для знакомства. И надо было обладать определенным опытом и чутьем, чтобы определить в нем человека, некогда исповедовавшего воровской образ жизни.

– Еще что скажешь? – угрюмо изрек он.

– А то, что я правильный арестант и коситься на меня не надо.

– А если мысли всякие в голову лезут? – небрежно хмыкнул Ролан.

– Сами по себе? – с насмешливым прищуром спросил парень.

– Сами по себе.

– Значит, вакуума в голове много, если лезут.

– Ты за базаром следи, – нахохлился Ролан.

– А ты глупости из головы выбрось, тогда как люди говорить будем.

– О чем нам с тобой говорить? Или ты смотрящий на этой хате?

– Пока нет, а там поглядим. Ссмотрящий сейчас на промке, а вам, братва, располагаться надо. У нас тут как раз шконки освободились...

– Вижу.

Ролан бросил скатку и хабар на свободную шконку поближе к окну. Мужики заняли еще две из тех, что были подальше от двери. У брюнета никто ничего не спрашивал. Он хоть и назвался правильным арестантом, но его мнение никого не

волновало.

Ролан молча расстелил матрас, заправил постель. И лег поверх одеяла.

– У нас так не принято, – с осуждением глянул на него брюнет.

Ролан молча отмахнулся от него как от назойливой мухи.

– Не, я серьезно. У нас распорядок – на койках только после отбоя.

– А ты что, пойдешь куму застучишь? – ухмыльнулся Ролан.

– Я бы на твоём месте не борзел. У нас тут очень строго. Чуть что не так, в кондей, а там на завтрак – плесень со стен. Тебе туда лучше не попадать...

– А тебе?

– Да я был там пару раз, и ничего. А у тебя со здоровьем проблемы, да? С головой что-то, да?

Ролан поморщился, как будто под нос ватку с нашатырем сунули. Череп с правой стороны у него деформирован, и короткая стрижка никак не способствовала тому, чтобы скрыть этот недостаток.

– Не твоё дело.

– Ты извини, если на больную мозоль наступил...

– Соскочил бы ты с этой мозоли, а? Не в падлу сказать, и без тебя тошно.

– Зачем так грубо? – не унимался парень. – Я к тебе по-доброму, а ты рычишь. Нельзя так... И со шконки встань.

На табурет сядь. Надо так. Я за порядком здесь слежу, мне отвечать...

– Да заткнешься ты, наконец!

В душе Ролан понимал, что нельзя ему идти на конфликт с дневальным. Но измочаленная долгими мытарствами подкорка вибрировала от раздражения так, что слетали с резьбы болты. Не должен он был давать волю своим эмоциям, но сил сдержаться не было.

– Ухожу, ухожу. Только со шконки встань.

Брюнет и сам должен был понимать, что Ролан дошел до крайней точки кипения. Ему бы отойти в сторону, чтобы не доводить его до греха. Но нет, продолжает злить.

– Встаю!

Ролан соскочил с койки только для того, чтобы проучить надоедливого дневального. Дать в лоб, – глядишь, и угомонится.

Но вышло так, что брюнет сам наказал его. Ролан и сам не понял, как оказался на шконке, скрюченный от боли после молниеносного удара в солнечное сплетение. Никак не думал он, что его противник способен на столь мудреный финт.

Он должен был подняться, чтобы возобновить сорванную атаку, но боль проникла глубоко в грудную клетку, разлилась по всему телу, парализуя волю. Наверняка, это был какой-то особенный удар, на который способен только мастер.

– Ты лежи немного, успокойся, – насмешливо сказал

брюнет.

Сам он был совершенно спокоен. И его ничуть не смущало присутствие в камере двух мужиков, с которыми Ролан заехал в камеру. Он совершенно не боялся их, хотя бы потому, что знал – на помощь своему товарищу они не придут. Что в тюрьме, что в зоне – везде каждый за себя...

– А потом вставай, на табурете посидишь.

Ролан слышал, как заскрипели кроватные пружины. Это мужики перебрались со шконок на табуретки. Им вовсе не улыбалась постигшая его самого участь.

– Ты меня понял? – спросил парень.

Ответить на этот в общем-то риторический вопрос значило признать свою слабость. Поэтому Ролан промолчал.

– Не понял. Но со шконки ты все равно встанешь...

Брюнет снова взялся за тряпку и не остановился до тех пор, пока не домыл весь пол. Он делал это с таким чувством, будто не было на свете большей радости, чем наводить марафет в тюремной камере. И даже мужиков не пытался припахать, хотя мог.

Боль отступила, но Ролан так и остался лежать на койке. Поднялся, когда брюнет снова подступил к нему, но снова только для того, чтобы атаковать его. Не той он породы человек, чтобы сдаваться без боя. Встал в стойку. Но парень лишь усмехнулся.

– Знаю, ты в рукопашке кое-что сечешь. Но против моего лучше не пробуй. Я карате с двух лет занимаюсь, у меня

реально третий дан...

Третий дан в карате – показатель более чем серьезный. Ролан действительно был дока в рукопашном бою, но против мастера такого уровня ему не потянуть.

– Да хоть сто шестой, – зло, сквозь зубы процедил он.

– Нет сто шестого, есть только девятый... Не будь дураком, – понизив голос, сказал парень.

И многозначительно повел головой в сторону притихших мужиков. Дескать, не надо срамиться перед ними, лучше остановись, пока не поздно. А взгляд у него спокойный, охлаждающий. Но, увы, это не остудило пыл Ролана. И он все-таки решился...

В этот раз он приходил в себя не меньше часа. Но лежал не на шконке, а на полу, не в силах подняться. Красавчик брюнет провел против него все тот же удар, все в ту же болевую точку, но с более серьезными для Ролана последствиями. Теперь у него не оставалось никаких сомнений в том, что он имел дело с настоящим мастером рукопашного боя. Больше желания проверить его на прочность не возникало.

А брюнет и не стремился добить его. Присел рядом с ним на табурет и давай увещевать.

– Да ты не переживай, брат, здесь все знают, что против меня приема нет. Мне даже кличку такую хотели дать – Лом. Типа против лома нет приема. Но прижилась другая – Красавчик. А так меня Дима зовут, фамилия совсем безобидная – Бабочкин... И я сам, как бабочка, порхаю, знаешь

ли... – задумавшись, начал было Красавчик. Но, спохватившись, изменил тему: – Я сам из Гачкина, городок такой под Черноземском есть. Маленький такой, ты не знаешь...

– Знаю, – через силу сказал Ролан. – Сам из Черноземска...

Он уже не чувствовал неприязни к этому парню. Зато чувствовал свою вину – не должен он был лезть на рожон. По заслугам схлопотал. Но все равно до боли обидно.

– Да ну! – обрадовался Красавчик. – Так мы что, земляки?

– Ну да...

Ролан и сам был рад встретить земляка в далеком пермском краю. Этап, с которым он шел из Черноземского СИЗО давно уже рассосался по тюрьмам и пересылкам, до этой зоны дошли единицы, и тех определили в другие отряды. Жаль, что встреча с земляком началась не с той ноты. Но чувствовалось, что Дима Бабочкин – парень компанейский и незлопамятный, может, и сойдутся они, что называется, вась-вась.

– А зовут тебя как?

– Братва Тихоном величает...

– А по имени?

– Ролан.

– Ты это, брат, поднимайся. Совсем, смотрю, тебе хреново...

– Сам виноват, – выдавил из себя Ролан.

– Руку давай.

Красавчик обладал завидной силой и, казалось, играючи помог ему перебраться с пола на шконку. Но без комментария не обошлось:

– У нас хоть и не санчасть, но можешь на койке полежать.

Пока не оклемаешься.

– А потом на табурет? – усмехнулся Ролан.

– Ну да. У нас так положено.

– Везде так положено. Но на это положено еще сверху кладут...

– У нас не так, у нас порядок.

– И кто масть в хате у вас держит? Красные?

– Почему красные? Нормальные люди. Двое из воровских, двое сами по себе...

– И где эти двое из воровских?

– Говорю же, на работах. Лес валят. Они хоть и в авторитете, а хозяин им волындить не дает. Отрицалы у нас или в штрафном, или в сифилиятнике...

– Где?

– Ну, корпус, где спидоносцы и тубики подышают. Там такой беспредел – жуть. Здорового человека вмиг больным сделают. Кровь больную насильно вколят, такую-то вот... Лучше лес валить, чем туда... Ты это, лучше не быкуй. Завтра на работы погонят, так ты не шарахайся. Встанешь в штыки, самого на штыки поставят, отвечаю...

– Значит, красные здесь у вас все, – мрачно усмехнулся Ролан.

– Да как хочешь, так и называй. Но мы здесь по понятиям живем. Все как у людей, никакого беспредела. И блатные есть, и мужики, и черти. А петушни здесь нет. С этим тут строго. Нужно очень-очень сильно накосорезить, чтобы опустили. Или кум на кого пальцем покажет. Таких сразу в кукарешник, там уже свой беспредел. А у нас порядок, отвечаю...

– Сучий порядок.

– Какой-никакой, а строгий. И ты, мой тебе совет, не парься на этот счет. У тебя какой срок?

– Двенадцать с полушкой. И статья мокрая.

– М-да. Большой срок. И ты уже не молодой. Считай, вся жизнь твоя здесь. А начнешь права качать – или в сифилиятнике окажешься, или в кукарешнике, – а оно тебе надо?

Ролан ничего не сказал. Но мысленно согласился с Красавчиком. Нет в этой зоне воровского ветра, чтобы черные блатные паруса надувать. Зато подводных камней хоть отбавляй. Выйдешь из общего фарватера – и сядешь на риф. И всю жизнь тогда в петушином помете гнить...

– Ты сам-то по какой статье чалишься?

– Да ни за что, считай, влетел. Дура одна кражу на меня повесила... История тут такая не очень хорошая. С одной жил, к другой ходил. Так одна отомстить решила, заявление написала, что я часики у нее с бриллиантами снес. Я бы отмазался, да опера борзые попались. Уголовно-процессуальный кодекс в голову вбивать стали, в самом прямом, скажу

тебе, смысле. Книга тяжелая, а они ею со всего маху по голове. Шишек нет, а больно жуть. И башню сносит. У меня снесло. Наручники на мне, руками не могу, пришлось головой. Одному оперу нос очень сильно смял, сломанный хрящ нерв какой-то зацепил. Он-то выжил, но половина лица парализованной осталась. Вот мне и впаяли восемь годков. Была бы первая ходка – на общий бы пошел, а так на строгач. Но ничего, мне уже половина вышла, хозяин обещал на поселение отпустить, а может, и на условно-досрочное. Если все срастется, то через месяц меня уже здесь не будет...

– И по какому разу ты здесь?

– По второму.

– Тоже кого-то покалечил?

Ролан уже оклемался, но не хотелось подниматься со шконки. Пусть Красавчик думает, что хреново ему.

– Зачем покалечил? На краже меня взяли. Деньги у одной терпилы взял, много денег. Три года, от звонка до звонка. На общем был, так там черные из воров, а красные из бандитов, и еще кавказцев как собак, – короче, такой бардак был, что страшно вспомнить. Я там с блатными был, а здесь – с красными, как ты говоришь. Там по звонку вышел, а здесь, может, с половины соскочу...

– Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше, – не без ехидства заметил Ролан.

– Ну да. Законы природы еще никто не отменял.

– Закон природы – волчий закон.

– А волки ходят стаями. Лично я в стае. И плевать мне, черные это волки или красные.

– Лучше серым волком быть, чем красным.

– А это каждый сам для себя выбирает. Тем более что серый – естественный для волка раскрас. И среди мужиков такие волки попадаются...

Красавчик хотел что-то сказать, но вдруг застыл с полуоткрытым ртом. И высоко поднятый палец правой руки замер в воздухе.

– Наших с работ ведут.

Ролан и сам уже слышал усиливающийся топот ног. К камере приближалась целая толпа.

Сначала послышались голоса, затем со скрипом открылась тяжелая дверь. Здесь не было специального блокиратора, ограничивающего движение двери, поэтому она распахнулась настежь. Но толпа не сразу хлынула в камеру. Сначала через порог с важным видом переступил низкорослый, но очень объемный человек лет сорока. Конусообразная голова – узкий верх и широкий низ. Вдобавок еще и щеки бульдожьей – казалось, они лежат на плечах, закрывая и без того едва заметную шею. Глаза маленькие и холодные до озноба в душе. Он молча, можно сказать, равнодушно, глянул на поднявшихся ему навстречу мужиков. Окатиł ледяным взглядом Ролана, который забыл, что нужно подняться с койки.

– Кто такой? Почему лежишь? – грозно спросил он.

Ответить Ролан не успел. Из-за спины смотрящего из тем-

ных глубин коридора вынырнул детина с длинной и приплюснутой с боков головой. Угрожающий блеск наголо бритого черепа, смуглое от природы лицо, свирепые, черные как антрациты глаза, злобный оскал кривых желтоватых зубов.

– Вот сука! – взревел он и, не останавливаясь, бросился на Ролана, который медленно, словно бы нехотя поднимался со шконки.

Он мог бы объяснить на словах, кто из них двоих сука, но, судя по всему, в этой ситуации выяснение отношений могло состояться только на кулаках. Детина не оставлял Ролану другого выбора, поэтому неожиданно для себя оказался на полу с вывернутой за спину рукой. Он был гораздо медлительней Красавчика, и его несложно было швырнуть через бедро и взять на прием из боевого самбо. И даже его не хилые габариты не стали для Ролана препятствием.

– Тоха, Тоха, все! – взвыл он, хлопая свободной рукой по бетонному полу.

– Как ты меня назвал? – недоуменно спросил Ролан.

– Ты же Тоха. Из Колосовки...

– Какая к черту Колосовка? Тихон я. Из Черноземска.

Он обращался и к амбалу, и к притихшему смотрящему, за спиной которого образовалось целое столпотворение из уставших после работы людей.

– Извини, мужик, обознался! – простонал громила.

– Я тебе не мужик. Тихон я. Гордей из Черноземска меня крестил...

Но, вопреки ожиданиям, имя уважаемого вора не произвело на смотрящего никакого впечатления – ни положительного, ни отрицательного. Но вопрос он все же задал.

– Блатной?

– Да. Гордею отпиши, он подтвердит.

– Отпишем. Кому надо отпишем. Узнаем, кто ты такой. А Зубодера отпусти.

Ролан не стал нагнетать ситуацию и отпустил поверженного противника. На всякий случай отступил на пару шагов, чтобы отразить возможную атаку. Но детина по прозвищу Зубодер не решился взять реванш. Злобно, но подавленно глянул на него и направился на свое место, в угол, который можно было назвать блатным чисто из географического расположения, – у окна, подальше от двери. А так никаких отличий. Ни плакатов на стене, ни ширм, ни отдельного телевизора. На привилегированное положение обитателей этого угла указывало только то, что, в отличие от других, они сели на шконки, а не на табуретки. Двое на одной койке, двое на другой, одна пара лицом к другой.

Сидят, о чем-то вполголоса переговариваются. Зубодер мрачно и с опаской посматривал на Ролана.

– Да ты не переживай, – сказал Красавчик. – Не ты же накосорезил, а Зубодер. Он первый дернулся, с него спрос будет.

– Какой спрос? Сука суке глаз не выключает, – хмыкнул Ролан.

– Не надо так о людях, – укоризненно глянул на него парень. – Ты же их не знаешь. Холодильник у нас пахан строгий, но справедливый. Из воров...

– Холодильник?

– Ну да, взгляд у него холодный, потому и прозвали так.

– Холодный, – не мог не согласиться Ролан. – Только мне совсем не холодно.

– Жарко тебе. Потому что огонь в душе. А ты успокойся. Посиди, подумай, а я пока с братвой за тебя поговорю.

Красавчик подошел к смотрящему, что-то тихо сказал ему, тот подвинулся, приглашая его занять освободившееся место.

Ролан презрительно усмехнулся. Смотрящий, блаткомитет – все на уровне пионерлагеря: начальник колонии типа директор, а эти пионервожатые. И на работы вместе со всеми ходят, и о привилегиях для себя не заботятся. Хотя бы чифирьку для себя заварили, так нет – нельзя, хозяин заругать может. Тьфу!..

Ролан окинул взглядом всю камеру. Каждый занят своим делом. Несколько человек в очереди к «тюльпану», другие к унитазу. Кто-то пишет письмо, кто-то подшивает подворотничок, кто-то что-то мастерит, а большинство просто обессиленно сидят, свесив руки. Работа на лесоповале не сахар, труд тяжкий, а завтра с утра снова в упряжь...

Вроде бы все сами по себе, но если присмотреться повнимательней, то каждый зэк принадлежит к какой-то группе.

Да и не надо было Ролану присматриваться, чтобы понять это. В любой зоне в любом бараке или камере арестантский люд разбит на группы. Воры с ворами, бандиты с бандитами, мужики с мужиками, даже черти позорные и те кучкуются.

Серая мужицкая масса неоднородна по своему составу. Здесь свое деление, на так называемые семьи: по принципу землячества или по социальному признаку – зажиточные к зажиточным, бедные к бедным. Само собой, существовала градация и по национальностям – кавказцы с кавказцами, азиаты с азиатами. В этой камере кавказцев почти не было, таджиков и узбеков – кот наплакал. Да и вообще спокойно здесь было. Никто ни на кого не наезжал, никакой ругани. Все в своих насущных заботах, но так, чтобы не нарушать установленных норм поведения, – хозяином зоны установленных и ссученными ворами поддерживаемых...

Но, в принципе, какая разница, кто здесь командует парадом, лишь бы порядок был и пайка щедрая. А кормят здесь хоть и невкусно, но вроде бы сытно. Ролан даже жалел, что остался без ужина...

Красавчик отсутствовал недолго. Подошел к Ролану, внушительно посмотрел на седовласого мужика, сидевшего рядом с ним. Тот молча поднялся и направился к умывальнику. Чувствовалось, что с Красавчиком здесь считаются всерьез. Что ж за порядки тут такие, что уважаемый арестант остается в камере один на весь день и пашет как вол, намывая, натирая и начищая? Неужели принцип очередности здесь так

же свят, как воровские понятия в правильной хате?.. Хотя, в принципе, лучше в камере весь день убираться, чем валить лес...

– Холодильник тебя к себе зовет, – сказал Красавчик и едва слышно добавил: – Ты только не буксуй, зёма.

Ролан молча кивнул, принимая его в общем-то дружескую установку, и направился к смотрящему. Крепкого сложения парень с изрытым оспой лицом поднялся со шконки, нехотя освободил для него место.

– Значит, из воров ты, – так же нехотя изрек и Холодильник.

Взгляд морозный, немигающий. Ролан едва удержался от позыва обнять себя руками, чтобы согреться.

– Ну, можно сказать, что так...

Вором как таковым он никогда не был. Но в тюрьму по первому разу попал как раз за угон автомобиля. Мог сесть за убийство, потому как в тот день и отправил на тот свет сразу несколько братков из «новых», а взяли за машину, которая действительно числилась в угоне, но не по его вине. А машину когда угоняли, хозяина ее по голове сильно ударили. И еще пистолет при задержании у Ролана взяли. В общем, девять годков по совокупности отмерили...

– Гордея, говоришь, знаешь?

– Есть немного. Дела с ним делали. Многих других знаю... Я на разных зонах первый срок мотал, ты туда маляву отправь, тебе ответ будет. Никто ничего плохого про меня не

скажет, отвечаю...

– На каких ты зонах был?

– Сначала средняя полоса, затем Сибирь-матушка. Сначала общий режим, затем строгий. Девять лет было, затем довесок в три года получил.

– За побег? – заинтригованно спросил Зубодер.

– Нет, зону разморозили. Была сучьей, как у вас, а стала черной, воровской...

– Кто тебе сказал, что у нас тут сучья зона? – нахмурился смотрящий.

– А разве нет? – удивленно повел бровью Ролан.

– Где ты здесь сук видишь? – вскинулся Зубодер.

– При чем здесь, кого я вижу? Порядки у вас такие, что хозяин всем заправляет, а воры ему подыгрывают.

– Хозяин здесь масть держит, это ты правду сказал, – согласился Холодильник. – Потому что Рупор крутой по жизни, сильно себя здесь поставил. А то, что воры ему подыгрывают, так что тут такого? На то нас над мужиками и ставят, чтобы мы пасли их.

– В угоду хозяину?

– Всегда так было. И всегда так будет.

– Не знаю...

В чем-то Холодильник был прав. Блатные всегда над мужиками стояли, по понятиям жить заставляли, смотрели, чтобы те исправно работали, чтобы беспредела не было.

– А что ты вообще знаешь? Кем ты на зоне был? За от-

рядом смотрел, за хатой, может, за промкой, а? А может, за всей зоной?

– За хатой смотрел, – кивнул Ролан. – А потом у законного в свите...

– В свите, – перебив, передразнил его Холодильник. – В пристяжи ты у него был. Поддай-принеси, да?

– Скорее, убрать и подчистить, – жестко усмехнулся Ролан. – По-мокрому...

Неискушенный в тюремных раскладах человек мог бы решить, что в пристяжи законного вора он был шнырем-уборщиком. Но смотрящий понял все правильно. Ролан был исполнителем воровских приговоров, а говоря более грубо, наемным убийцей – и не презренной одноразовой «торпедой» из идиотов, проигравших свою жизнь в карты, а матерым «тигром». Его и уважали, и боялись...

– У нас этим не козыряют...

В голосе Холодильника угадывалось осуждение, но не было презрения. Зато чувствовался глубоко скрытый страх. Ведь Ролан мог исполнить и его самого, по собственному приговору.

– У нас тоже. Но ты все понял.

– Это угроза?

– Ни в коем случае.

– Тогда забыли... А то, что за хатой смотрел, не забывай. Будешь нормально себя вести, придет и твое время. Зыркый поднять тебя может, а надо будет, и опустит...

Ролан знал, о ком шла речь. Зыркый – был тем самым ссученным, по его мнению, законником, смотревшим за зоной. Он хотел было спросить, так ли это, что главный пахан поднимает и опускает. И добавить ехидно, что все здесь решают менты. Хотел, но промолчал – решил не пытаться судьбу. И так много обидного наговорил...

– А какой в том толк? – усмехнулся он. – Что я с того иметь буду, если на хату меня поставят? Я смотрю, вас тут и на работы гоняют, и благом разжиться не дают. Чифирнуться бы сейчас! Или хозяин не велит?

Холодильник молча отвел глаза в сторону.

– Шмон у нас тут большой был, – словно оправдываясь, сказал Зубодер. – Менты подчистую все смели.

– Ну и кому такая жизнь нужна?

– А что делать, если Рупор совсем озверел?

– Я бы сказал, что делать. Но ты же не маленький, сам знаешь...

– Знаешь... Все мы тут знаем. Да молчим. А рот откроешь, завтра в ШИЗО будешь, а там петушка к тебе посадят. Он тебя ночью в губки поцелует, сам красной девицей станешь... Рупор ничего не боится. Напролом прет, всех, кто на пути, под каток. Безбашенный, в натуре...

– И водички у него много.

– Какой водички? – не понял Зубодер.

– А волшебной. Попьешь такой водички, козленочком станешь. Или сразу козлом рогатым...

– Это ты о чем? – встрепенулся Холодильник.

И так посмотрел на Ролана, что ему стало не по себе.

– Да так, козлов у вас здесь много. Это я про тех, кто с красными повязками.

– Ты у нас красные повязки видишь?

– Нет.

– Тогда чего метлой метешь?.. Может, мы потому и соглашаемся с Рупором, чтобы козлы все под себя не взяли. Дай им только волю, такой беспредел начнется... И вообще...

Холодильник запнулся и как-то обреченно махнул рукой.

– Если ты нас за козлов и сук держишь, то это ты зря, – сказал Зубодер. – А то, что воровского блага у нас нет, тут ты прав. Но, может, что изменится... Или изменит кто...

– Кто?

– Ну, бывает, что один человек может все решить.

– Это ты о чем?

Прежде чем ответить, Зубодер осмотрелся – дескать, не подслушивает ли кто из посторонних.

– В зоне все на Рупоре держится. Не станет Рупора, тогда все по-нашему будет, по-воровскому... А ты сам говорил, что ты можешь...

– Что я могу? – насторожился Ролан.

– Ну, по-мокрому...

– Ничего я не говорил. Ты что-то путаешь, братишка.

Во-первых, Ролан был далек от мысли возглавить лагерно-освободительное движение за воровскую независимость.

Более того, он уже почти смирился с тем, что ему придется жить в сучьей зоне. И даже готов был принять установленные хозяином порядки. А во-вторых, Зубодер мог оказаться не просто сукой, но и подлым провокатором. Может, он нарочно поднял столь скользкую тему, чтобы завтра же доложить куму о том, что в хате завелся возмутитель спокойствия, вызвавшийся убить самого начальника колонии.

– Но ты бы мог сделать Рупора, если так о нашем благе печешься.

– Ну, если ты хочешь его по-мокрому сделать, ты так и скажи. А я уже подумаю, что тебе ответить.

– А сам ты сказать ничего не хочешь?

– Хочу.

Ролан понял, что пора менять тему, пока он не разозлился и не вырвал провокатору кадык.

– За какого такого Тоху ты меня принял?

– А-а! – облегченно вздохнул Зубодер.

Похоже, он и сам был не рад, что завел опасный разговор. Спровоцировать Ролана он не сумел, зато сам мог остаться в дураках. Наверняка стукачей в камере хоть отбавляй, кто-нибудь возьмет да сольет куму ту ересь, которую он плел. Тот же Холодильник может донести. Может, он и считает себя вором, но сучьей пакости в нем хватает...

– Что, а?

– На человека одного ты очень похож. Антоха его зовут. Или просто Тоха... Я сам из Беляновки, а он из Колосовки.

Беляновка по одну сторону реки, Колосовка по другую. И мост с берега на берег. Так мы на этом мосту стенка на стенку. Сколько зубов я этому козлу вышиб...

– И когда это было?

– Да лет десять назад...

– Был уже все поросло. А ты на него до сих пор бросаешься. То есть на меня...

– Ну да, на тебя. А думал-то, что на него... Убил бы суку!

– Чего так?

– Так он же меня, падла, подставил! Типа видел, как я Корявого замочил. Был там у нас один придурок, как нажрется, так метлой метет, что уши вянут. А рука к ножу так и тянется... Короче, Корявого на перо поставили, а Тоха, гад, сказал, что видел, как я его... Ну не падла, а!

– А как на самом деле было?

– А не важно! – распалился Зубодер. – Факт, что, если бы эта мразь меня не заложила, я бы сейчас на воле гулял. С его бабой бы и гулял, понял?

– С его бабой?

– Так в том то весь изюм!.. Я когда после первой ходки домой вернулся, с кралей одной роман закрутил. О свадьбе думал, а с деньгами швах, в город поехал, ну, рыжья пострелять. Лопатник у мужика дернул, а тут менты... Лопатник я сбросил, а все равно срок впаяли. Два года всего, не будь Маринки, решил бы, что легким испугом отделался. Она сказала, что ждать будет. Даже дачки высылала... А когда от-

кинулся, узнал, что Тоха с ней. Замуж она за него вышла... Надо было мне Тоху мочить, а я на Корявом отыгрался... Мамой клянусь, эта гниль ничего не видела, но все равно на меня показала. Это чтобы меня с воли сжить, да. Ну, мне на всю катушку впаяли, пятнадцать лет как с куста. Два года отмотал. Тринадцать осталось... Ничего, я еще выйду, я еще пушу кровь этому барану!.. Не, а ты в натуре на него очень сильно похож. У тебя случайно брата-близнеца нет?

– В Колосовке, что ли? – усмехнулся Ролан. – В Колосовке нет.

– А где есть?

– Нигде нет.

– Ты в этом уверен?

– Как в том, что я здесь, на нарах, а не в Сочах под пальмами...

– А я бы сейчас в Сочи сачканул, – мечтательно закатил глаза Зубодер. – Хорошо на море в мае... Я там, правда, никогда не был. Но когда-то же надо начинать...

– Когда?

– Не скоро. Мне еще много лет мотать. Если, конечно, хозьяин срок не сбавит...

– За примерное поведение? – хмыкнул Ролан.

– Знаю, что для вора в падлу такие расклады. Но я не парюсь. И ты не заморачивайся. Завтра на работы, и никуда ты не денешься...

– Никуда, – подтвердил Холодильник.

Ролан промолчал. Сам понимал, что деваться некуда. Свой ответ он свел к шутке:

– Да я, в общем-то, для того и приехал сюда, чтобы работать. Чисто по комсомольской путевке, типа в стройотряд...

– Хреновая у тебя путевка, – развеселился Зубодер. – Как и у нас у всех здесь. И стройотряд голимый. А выбора нет... Разве что на лыжи встать и домой...

– Чего ж не встал?

– А тебя ждал. Вот приедет, думаю, Тихон, так сразу и начнем когти рвать. В лес, к зеленому прокурору, чтобы он срок нам списал...

– А если серьезно?

– Отсюда не сдернешь. У Рупора все продумано... А ты что, о лыжах думаешь?

– Пока ты не сказал, не думал. И сейчас думать не хочу...

Ролану терять было нечего. Двенадцать с половиной лет – это целая жизнь, дальше – ничем не обеспеченная старость. И лучше на воле от ментов прятаться, чем в лагере гнить. Но мысли о побеге надо было загонять внутрь себя. Во-первых, Зубодер мог оказаться провокатором, а во-вторых, слишком уж это хлопотное дело – готовить и осуществлять побег. Сначала разузнать надо, где, что и как. Затем команду единомышленников собрать. Опять же время – пока подкоп сделаешь, не один год уйдет, и то, если менты эту лавочку не накроют...

– А ты подумай.

– Что-то я не пойму тебя, братан! – вскинулся Ролан. – То ты на работу меня агитируешь, то в бега блатуешь. Где подвох, а? Может, скажешь?

Он в упор смотрел на Зубодера, и тот не выдержал его взгляд, отвел в сторону глаза. Явно что-то не чисто с ним. Как и с Холодильником. Но хочешь не хочешь, а придется встать в одно стойло с ними. Право сучье племя, выбора у Ролана нет. Или покраснеть, или утонуть – одно из двух...

– Все, братва, разбежаться будем, – решил Холодильник. – Ночь короткая, а завтра снова в путь, отдыхать надо...

Ролан отправился к своей шконке, а смотрящий разлегся на своей. И Зубодер растянулся во весь рост. Все остальные, включая и двух особо приближенных к ним амбалов, коротали вечер за столом на лавках или у коек на табуретах. И кому спрашивается, нужен был такой порядок? Ролан мысленно возмущался, но в койку лег лишь после команды «отбой». Он был в обиде на самого себя за то, что принимал правила сучьей игры, но против ветра плевать не решался...

Глава 2

На Венеру неприятно было смотреть. Лицо с перепоя опухшее, под глазами мешки, сама толстая, обрюзгшая. Но Аврора ничему не удивлялась. Старшая сестра уже давно перестала следить за собой. И пьет много, грусть-тоску в горькой топит.

В квартире беспорядок, на столе в гостиной стол с остатками вчерашнего пиршества, на полу пустая пластиковая бутылка с остатками какого-то пойла. Да и судя по сивушному перегару, которым разило от Венеры, вчера здесь по стаканам разливалась дрянная самогонка.

– Что, на денатурат перешла, сестренка? – ехидно усмехнулась Аврора.

Сама употребляла исключительно качественные напитки. Изысканные и дорогие. И в меру, не чаще, чем раз в неделю. И за собой следила с особой тщательностью. Не зря в свои тридцать лет выглядит максимум на двадцать. Выглядит как королева и живет не хуже – но без короля...

– А ты денег не даешь, вот и приходится жрать что попало, – бессовестно заявила Венера.

– А перевод? – возмутилась Аврора. – Ты должна была получить перевод.

Каждую неделю на адрес Венеры высылались деньги, по три тысячи рублей, чтобы она ни в чем не нуждалась. Аврора

была уверена, что суммы доходят до адресата.

– Перевод, – передразнивая, ядовито буркнула Венера. – Переводами от меня отделяешься, да? А сама брезгуешь у меня появляться?

– Почти угадала, – съязвила в свою очередь Аврора. – Смотреть на тебя противно. Сама как свинья, и в квартире у тебя как в хлеву...

– Но, но! – встала в позу Венера. – Думаешь, если деньги мне высылаешь, можно камни в мой огород кидать?

– Бурьяном твой огород порос, сестренка.

– Мой огород, что хочу с ним, то и делаю...

– Ну, как знаешь... Проведать я тебя проведала, гляжу, что ничего не изменилось, поеду я...

Первое время Аврора пыталась вразумить сестру. Деньги ей давала на салоны красоты, абонементы в фитнес-клуб оплачивала, к психологу водила. Несколько раз в платную наркологическую клинику ее клала, но всякий раз та сбегала, чтобы выпить и дальше катиться по пьяным рельсам под откос жизни. Устала она вразумлять сестру – пусть Венера живет как знает...

Она уже собиралась уходить, когда в комнату из коридора ввалился какой-то небритый тип с синюшным лицом. От него так разило перегаром и гнилыми зубами, что Аврора прикрыла свой нос ладошкой. Удивительное дело, только что ее телохранитель осматривал квартиру, но, кроме Венеры, никого в ней не обнаружил. Значит, плохо смотрел. Или

этот алкаш под кроватью спал. Свалился с нее ночью да так и заснул на полу. Или, скорее всего, он давно уже отвык спать на кроватях, потому и примостился на полу...

– Какая краля! – загромыхал он. – Венер, почему не познакомишь?

– Воняет от тебя, не видишь? Иди спать, придурок!

– От кого воняет? От меня? – возмутился алкаш. – А чего она в натуре нос воротит. Эй!

Он потянулся к Авроре, чтобы грубо схватить ее за плечо. Но даже не успел коснуться ее. Вовремя появившийся телохранитель перехватил руку, а его самого скрутил в бараний рог и вышвырнул из квартиры.

– И кто это был? – спросила у сестры Аврора.

– Гена, а что?

– С какой помойки ты его подобрала?

– Почему с помойки?.. Ну с помойки, и что?..

– Надо же так опуститься, сестренка.

– Ну не всем же с красавчиками стриптизерами спать!

– Чего?

– А того! Думаешь, я не знаю, с кем ты развлекаешься!

– А это не твое дело, сестренка!

– И ты моих мужиков не трогай!..

– Надо же так опуститься!

– А может, это ты меня опустила?

– Я?! Ну, спасибо тебе!

– Пожалуйста!.. Я, может, только жить начала, когда Ро-

лан вернулся. Женщиной себя почувствовала. Пить бросила.

А ты...

– Что, я?

– Ты все испортила.

– Я?!

– Да, ты!.. Ну трахнул он тебя с голодухи, ну с кем не бывает! Мужу-то зачем жаловаться было, а?

– Что ты несешь, дура!

– Сама дура набитая!.. Ролан мужа твоего, бандита, испугался, потому и ушел! Если бы не ты, мы сейчас вместе были бы!

– Ты моего мужа не тронь! И святую из себя делать не надо! Как будто не ты Ролана на бандита променяла. Из-за тебя он в тюрьму сел. Из-за тебя!..

– А не пошла бы ты!

– Да я-то пойду! А ты оставайся! Подыхай в своем дерьме!..

Успокоилась Аврора только в своей машине. За окошком дождик, в тихом комфортном салоне тепло и уютно. И безопасно – водитель за рулем, телохранитель на переднем сиденье. Но не защитит им ее от прошлого...

Аврора любила Ролана. Еще когда маленькой была, влюбилась. Он на Венере женат был, а она завидовала сестре. Только та не уберегла свое счастье. С бандитом спуталась, Ролана с истинного пути сбила. Из-за нее он наемным убийцей стал. Аврора жила с ним, с надеждой, что станет его же-

ной. Но Ролан сел в тюрьму, а она сама вышла замуж за бандита, на которого он работал. За бандита, который из благодетеля превратился в его лютого врага. А через двенадцать лет Ролан вернулся. Стал жить с Венерой. И все у них было хорошо, пока однажды не остался с Авророй наедине. Она была матерью двоих детей, муж ее был уважаемым бизнесменом и депутатом Государственной Думы. Одним словом, она не могла позволить себе слабость переспать с Роланом. Зато он сам позволил себе взять ее силой. Она не очень сопротивлялась, но тем не менее...

В общем-то, Венера была права. Ролан испугался мести со стороны своего врага и соперника. Он-то думал, что Аврора расскажет все своему мужу, поэтому решил нанести упреждающий удар. Он убил Михаила и оставил ее вдовой. А она... Хоть и не угасло ее чувство к Ролану, но все же она позволила убить его.

Она хорошо помнит этот день. Они с мужем ехали за глупой девочкой Настей, а нарвались на вооруженную банду, во главе которой находился Ролан. Завязалась перестрелка. Михаил погиб, но его телохранители ранили Ролана. Она могла пощадить его, но не сделала этого.

С ее молчаливого согласия Алик Мотыхин выстрелил ему в голову. Но потом вдруг выяснилось, что Ролан каким-то чудом выжил. Алик предлагал добить его в больнице – сказал, что сделает все тихо. Но в тот раз Аврора удержала его на цепи. Сказала, что мужа этим не вернешь, а лишние

неприятности ей не нужны. Да и не до того им тогда было, чтобы отвлекаться на Ролана. Погибший Михаил оставил после себя не только золотые россыпи, но и горы мусора, которые Авроре пришлось разгребать. Алик ей тогда здорово помог. Михаил был депутатом, но при этом оставался бандитом не только в душе. И своя команда у него была, и дурно пахнущий теневой бизнес. Алик помог ей отделить легальные семена от криминальных плевел. Братва Михаила получила свое, а она забрала то, чем хотела заниматься, – нормальный бизнес без уголовной закваски.

Опыт по части ведения бизнеса у нее был. Она, считай, сама, почти без помощи мужа, создала солидную торгово-промышленную компанию – целую сеть супермаркетов по всему городу. Свои аграрные комплексы, свои перерабатывающие предприятия, своя розничная сеть. От Михаила ей достались банк, гостиницы, рестораны, не самая большая, но прибыльная нефтяная компания в Москве. Дом у нее полная чаша, растут дети... Все вроде бы есть, только вот ощущения счастья нет...

Дом у нее действительно лучше не бывает. Отреставрированный графский особняк в десяти километрах от города, три этажа, двадцать восемь комнат. Охрана, прислуга. И дети там сейчас. Егорке одиннадцать лет, Вике – шесть.

Но домой Аврора не поехала, хотя и собиралась. Венера что-то про красавчиков стриптизеров говорила. А ведь права была баба. Есть у нее такой дружок. Танцор эротическо-

го танца с романтическим и конечно же вымышленным именем Гефест. Огнеглазый брюнет с потрясающей фигурой и всем, что к ней прилагается. И откуда только Венера узнала о нем? Может, Гефест сам ей проболтался? Но ведь он даже не подозревает о том, что у нее есть старшая сестра. И про ее детей он тоже ничего не знает, потому что в свои семейные дела она его не посвящает. Хоть и хорошо с ним в постели, но для нее он – не более чем живая кукла. О том, чтобы замуж выйти за него, и в мыслях нет. И она сама для него – не более чем очень богатая дамочка, которая оплачивает его роскошную квартиру в центре города. И денег ему столько дает, сколько он в своем клубе не зарабатывает. Вернее, в клубе, который ей же и принадлежит. Аврора не воспринимала его всерьез, но в какой-то степени ревновала, поэтому и не позволяла ему тешить чужую бабью похоть...

– Куда едем, Аврора Яковлевна? – спросил водитель.

– На Социалистическую.

– А-а, – многозначительно протянул он.

Но больше ничего не сказал. Стас конечно же знал про Гефеста. И Сергей тоже знал. Им-то должно было быть все равно, как молодая незамужняя женщина проводит свое время, но, похоже, они ее просто-напросто ревнуют. Но смиряются перед ее волей.

К Гефесту Аврора собралась ехать, чтобы спросить, откуда Венера могла узнать о нем. Но быстро передумала. Какой с него спрос? А желание увидеться с ним осталось. Она

страстная женщина, ей нужен горячий мужчина. И было бы здорово пришпорить своего собственного жеребца.

Она хотела нажать на клавишу звонка, но что-то подсказало ей, что лучше воспользоваться своим ключом. Первым в квартиру вошел вездесущий Сергей, он-то и узрел крамолу. Но ничего не сказал, лишь отступил от двери в спальню, чтобы Аврора увидела все сама.

Гефест лежал в кровати на спине, а на нем, спиной к Авроре, прыгала девица с пышными пшеничными волосами и тонкой талией. Оказывается, ее жеребца оседлала другая наездница.

– И как ты мне все это объяснишь?

Сладкая парочка так увлеклась, что ничего вокруг себя не замечала. Но ее громовой голос заставил их оторваться друг от друга. Гефест накрылся простыней по пояс, красotka же накрылась с головой.

– Не прячься, я тебя узнала, – ошарашила ее Аврора.

Это была администраторша одного из клубов, принадлежавших ей. Красotka с ногами от фарфоровых зубов, из бывших стриптизерш. Можно было догадываться, каким местом она заработала свою нынешнюю должность, но дело ясное, что ей не хотелось терять ее. Определенный престиж в настоящем, перспектива стать старшим администратором, а то и дорасти до управляющего клубом. Приличная зарплата также значила не мало. Но все могло рухнуть в один момент. Аврора могла уволить ее одним росчерком пера, а пара те-

лефонных звонков закроют для нее доступ в другие клубы. И танцевать ей тогда стриптиз на трассе у въезда в город...

– Аврора Яковлевна, я не знала, – чуть не плача, простонала девушка.

– Знала ты все.

Красотка хотела еще сказать что-то в свое оправдание, но изменила свое решение и промолчала. Это ее и спасло от возмездия. Сказала бы слово, Аврора точно поставила бы на ней крест. А так пусть живет...

Зато Гефест молчать не стал.

– Да ладно тебе, – оправившись от неожиданности, вольготно сказал он. – Ничего же не случилось, все живы-здоровы...

И надо же, его слова подействовали на нее успокаивающе. Действительно, ничего страшного не произошло. Все живы, с детьми все в порядке, а мир не рухнет после того, как она вычеркнет этого дутого индюка из своей жизни. Сколько еще таких красавчиков – и в Черноземске, и в Москве, и на курортах заморских. Он же в самом деле кукла, которую можно заменить на другую без ущерба для собственной психики. Вот если бы она мужа застала с другой бабой, тогда другое дело... Или Ролана...

Ролан уже давно для нее никто. Но нет-нет да шелохнется что-то внутри от мысли о нем. И будь сейчас Ролан на месте Гефеста, она бы, пожалуй, закатила истерику...

– Как тебя зовут? – обращаясь к девушке, спросила она.

– А-а, Катя...

– Спасибо тебе, Катя... И можете продолжать.

Она ушла, и больше ноги ее не будет в этой квартире. И Гефест пусть живет как знает. А она возвращается домой, к своим детям. Они не знают про ее молодого любовника, не ведают, что она будет искать ему замену. Вот если на ее горизонте вдруг объявится достойный мужчина, с которым ей захочется связать свою жизнь, тогда она приведет его в дом. Но нет таких мужчин. Вернее, желающих немало, но ни с кем ей не хочется вступать в серьезные отношения. Ее вполне устраивает нынешняя жизнь...

* * *

Алик Мотыхин зашел в кабинет, как всегда, без предупреждения. Тихо открыл дверь, бесшумной тенью прошел к столу. Он еще молодой, четвертый десяток совсем недавно разменял. Крепкого сложения, внушительное лицо, живые глаза, которые в любой момент могли омертветь и стать пугающе холодными, как у дохлой рыбы. Низкий лоб, мощные надбровные дуги... Глядя на него, нелегко было поверить в то, что коэффициент его интеллекта значительно отличен от нуля, и в положительную сторону. Он не имел высшего образования, не блистал эрудицией, но его природные ум и хитрость позволили ему избежать ловушек, которые не так давно ставили на Аврору коллеги ее мужа из криминального ми-

ра. Они хотели забрать многое, но с помощью Алика она отделалась малой кровью. И сейчас ее бизнес процветал. Опять же не без помощи Мотыхина. Он был при ней и начальником службы безопасности, но много внимания уделял и производственно-экономической составляющей ее бизнеса. Но еще больше он интересовался делом, которым когда-то занимался покойный Михаил без ее, Авроры, участия. Фактически клубы, казино и рестораны находились под его бдительным присмотром и чутким руководством. Не так давно, уезжая в Москву по делам, она оставляла его за главного управляющего сетью развлекательных заведений, и он отлично справился со своими, вернее, с ее обязанностями.

– Доброго здравия, Аврора! – широко улыбнулся он, останавливаясь возле кресла, на которое она собиралась ему указать.

– Алик, ты появляешься так внезапно и ходишь так тихо, иногда мне кажется, что ты можешь проникать сквозь стены...

– Надо будет, и сквозь стену пройду.

– Обещай мне этого не делать.

– Почему?

– Ну, есть места, где я не нуждаюсь в твоём присутствии.

– Например?

– Например, спальня.

– А может, именно я там тебе и нужен? – сквозь хитрый прищур усмехнулся он.

– Сомневаюсь.

Она давно подозревала, что Алик спит и видит себя в ее постели. Но шансов у него нет. Он во многом ей помог, в какой-то степени даже спас от страшной руки криминала, но переспать с ним из благодарности – это не в ее принципах. Хотя как мужчина он очень даже ничего, и она бы, пожалуй, могла закрутить с ним роман, если бы не одно обстоятельство. Ролан ничего для нее не значит, но тем не менее стоит ей только вспомнить, кто стрелял в него, как ей становилось тошно от мысли, что она может лечь с Аликом...

– А чем я хуже твоего Гефеста? – не без обиды спросил Мотыхин.

– При чем здесь это?

Она не посвящала Алика в свои личные отношения, но глупо было бы спрашивать, откуда он все знает. Он обязан был знать все, что творится вокруг нее, для того он и поставлен на должность начальника службы безопасности.

– Твой Гефест – последнее чмо, – презрительно причмокнув губами, сказал он. – Такая женщина у него в руках, а он ее на какую-то сучку променял...

Он знал и это, ничего в том удивительного. Аврора давно уже догадывалась, что Сергей сообщает Алику обо всем, что творится вокруг нее.

– И зачем ты мне это говоришь?

– Сама должна понимать, зачем. Нравишься ты мне очень...

Одно дело – догадываться о чувствах подчиненного и совсем другое – узнать о них из первых уст. К тому же на подобные признания Аврора реагировала как аллергик на пыльцу амброзии. Если до сих пор она воспринимала Алика как соратника, то сейчас она глянула на него как на раздражающий сорняк. Подобралась, посуровела, взгляд похолодел.

– Я многим нравлюсь, и что? – сухо и даже жестко сказала она.

– Ничего, – заметно смутился Мотыхин.

Он уже понял, что допустил ошибку, открывшись перед ней.

– Тогда говори, зачем пришел, а то у меня много дел.

– Да так, поговорить хотел.

– У нас проблемы?

– Да нет, в принципе все в порядке.

– Что значит, в принципе?

– Да ходят слухи, что Юра Босой лапу на «Эталон» хочет наложить.

Элитный ночной клуб «Эталон» был лучшим в своем классе. Можно сказать, гордость Черноземска. А до гибели Михаила Юра Босой был управляющим этого заведения. И оставался бы им до сей поры, если бы в нем не разыгрались амбиции. Решил, что клуб построен был на общаковые деньги, а поскольку сам он когда-то был «при делах», то имел все права на него. Хорошо, Алик вовремя подключился, популярно объяснил ему, что и кому принадлежит. Юра попал

в больницу, а его должность занял лояльный к Авроре человек.

– А вес у него для этого есть? – озабоченно спросила она.

События годичной давности показали, что за Юрой серьезной силы нет. Но с тех пор все могло измениться. Кто его знает, может, он нашел влиятельных покровителей, а может, кто-то попросту манипулирует им.

– Веса у него нету, – уверенно сказал Мотыхин. – Поэтому это так себе проблема. Но в любом случае решать ее надо.

– Как?

– Это мои заботы. Если вдруг что, возьму все на себя.

Аврора промолчала с видом человека, который ничего не понял. А может, она и в самом деле неправильно поняла Алика. Может, он и не собирался убивать Босого... Впрочем, в любом случае она вникать в это дело не будет. От Алика требуется результат, вот пусть он его и показывает. А нюансы пусть останутся на его совести.

– За мной ты как за каменной стеной, – самодовольно сказал он. – Ты сама это понимаешь, а все равно нос от меня воротишь.

– Я думала, мы закрыли эту тему.

– Для меня эта тема всегда открыта.

– Но что делать, если мне об этом совсем не хочется говорить?

– А ты попробуй захотеть.

– Не надо на меня давить.

– Я знаю, почему ты меня близко к себе не подпускаешь, – пристально глядя ей в глаза, словно откуда-то из загробного мира сказал он.

– Я и так подпустила тебя ближе некуда.

– Ты знаешь, о какой близости я говорю... Это все из-за этого, из-за Тихона. Я в него стрелял, и ты не можешь мне этого простить...

Аврора попыталась, но не смогла скрыть своего удивления. Об этом-то он откуда знает? Он что, умеет читать мысли?..

– Ты что-то не то говоришь.

– То не то... Я же знаю, у вас любовь с ним была... Он Мишу твоего убил, но ты все равно его любишь...

– Алик, тебе какие грибы на обед подавали? Может, там мухоморы были вместо шампиньонов?

– Не было там мухоморов. Мухоморы у меня в душе...

– Жалеешь, что не смог его добить? – саркастически усмехнулась Аврора.

– Жалею, что я не с тобой. Или с тобой, но без тебя...
Пойду я.

Удерживать его она не стала. Но сказала, когда он брался за ручку двери.

– Давай считать, что этого разговора не было.

Она действительно недолюбливала Мотыхина, но портить с ним отношения не хотела.

– Котик, ну почему ты сегодня такой неласковый? – обиженно спросила Катя.

Она весь вечер ласкалась к нему, а он даже не смотрел на нее.

– Настроения нет.

– Я могу его поднять. Раздевайся, буду делать тебе тайский массаж.

Что-что, а поднимать настроение Катя могла. Все знала, все умела, все позволяла. И усталости никогда не знала. И собой хороша, что главное. Но сегодня перед Аликом она была бессильна.

– А ему ты какой массаж делала? – криво усмехнулся он.

– Кому ему?

– Гефесту этому штопаному!

– Тю! Ты что, ревнуешь?

– Больно нужно.

– Значит, ревнуешь... Ты же сам меня попросил. А я, между прочим, рисковала. Аврора уволить меня могла. Хорошо, что все обошлось...

– Обошлось? Ты с ним спала, а говоришь, обошлось.

– Ну ты же знаешь, я с ним и раньше спала, еще когда мы в одной программе выступали. Ты же меня не ревновал...

– Спала ты с ним... Что вы в нем такого находите, дуры? Педик крашенный, а не мужик...

– Ну а кто спорит? Вот ты настоящий мужик, а он – ни рыба ни мясо.

– Но ты же спала с ним.

– О чем сейчас очень жалею...

– Ты жалеешь. А она жалеет?

Алик сделал большой глоток из хайбола. Виски приятно обожгло гортань, но удовольствия не было.

– Аврора?! Да нет, не жалеет...

– А если жалеет?

Он нарочно подложил к Гефесту свою подружку. Узнал, что Аврора едет в гости к этому качку, позвонил Кате, и она приступила к делу... Спрашивается, зачем он это сделал? Ну развел Аврору с Гефестом, что дальше? Она же себе другого красавчика найдет, чтобы тешиться с ним в свое удовольствие. Ей серьезные отношения не нужны – ни с кем, а с Аликом тем более... Сука она. Красивая богатая сучка.

Фортуна благоволила ему. После гибели Волока он очень круто поднялся. И сейчас он фактически управляет всем бизнесом, который прежде принадлежал покойному боссу. И в торгово-промышленной компании, которую создала Аврора, есть свои люди. Есть и рычаги воздействия на них... Раньше о таком фарте Алик не мог и мечтать, а тут все наяву. Но человек так устроен, что ему всегда и всего мало. И ему вдруг стало тесно в широких, казалось бы, рамках. Он захотел всего и сразу. А для этого он должен был жениться на Авроре. Она ему очень нравилась, и в случае успеха он бы совместил приятное с полезным. Но Аврора дала ему от ворот поворот. И он даже знал, почему. Хотя все же рассчи-

тывал на гораздо более теплое к себе отношение...

Аврора не хочет быть с ним. И сегодня он окончательно убедился в этом. Потому и настроение такое, что даже Катя не сможет его поднять... А может, все-таки поднимет?

– Французский массаж мне сделаешь, – грубо, как властелин своей рабыне, сказал он ей.

– Любой каприз, – податливо улыбнулась Катя.

Она-то знала свою выгоду. Алик и без того высоко поднял ее над тем шестом, вокруг которого она когда-то крутилась. Сейчас она – величина, администратор крутого клуба. Со временем и управляющим может стать. Если, конечно, не получит пинка под зад прежде времени.

И Аврора должна понимать, что без него ей в этом мире не выжить. Вокруг столько волков. Да и в прошлом он очень много сделал для нее... Но почему она не может прийти к нему домой и как следует отблагодарить его? А ведь могла бы стать перед ним на колени и расстегнуть пояс на его брюках, как это делала сейчас Катя... Ничего, сказка еще только сказывается. Настанет время, когда Аврора займет ее место. Он все сделает для того, чтобы это случилось как можно скорей...

Глава 3

Лес валили по старинке – один пилит ствол, другой его подталкивает в заданном направлении. Со стороны вроде бы ничего сложного, но под занавес рабочего дня голова идет кругом от усталости. Хорошо, если норму выполнишь, а если нет – пеняй на себя. И деньги на счет не перечислят, и ларька лишат, а могут и в штрафной запереть, если недоработка станет привычным делом.

Ролан старался. Раз уж позволил он себе ссучиться, то должен быть как все. Да и деньги на ларек ему нужны – в столовой еда пресная, без сладкого плохо. А еще за хорошую работу и примерное поведение срок могут скинуть на треть или даже половину. Хозяин хоть и сволочь, но у него и по тяжким статьям условно-досрочное получают. Яркий тому пример – Красавчик. Обещали ему скостить срок наполовину, и документы уже в суде, а это, считай, дело в шляпе.

С Красавчиком он работал в паре. Неплохим парнем оказался его земляк. И за себя постоять мог, и поговорить с ним за жизнь интересно. На условности уголовного мира ему наплевать. Все равно какой масти быть, лишь бы на свободу поскорей. И Ролана таким отношением к жизни заразил. Потому и работали сейчас, не покладая рук. Один – чтобы не заработать роковой минус на конечной станции длинного пути под названием лагерный срок. Другой – чтобы дойти до этой

станции в далекой перспективе.

– Все, больше не могу!

Ролан вырубил бензопилу, сел на пенек, рукавом утер пот со лба. Июнь на Урале не самый жаркий месяц, но в последние дни так парит, что кровь в капиллярах закипает.

– Не садись на пенек, не ешь пирожок, – опускаясь рядом, сказал Красавчик.

Он тоже устал. И перекур его не пугал. Сегодня они, что называется, дали стране угля. До конца рабочего дня осталось два часа, а они уже почти норму выполнили. Стахановское движение их не вдохновляло, к перевыполнению плана они не стремились, поэтому, если есть время, почему бы не отдохнуть. Вон и бригадир с учетчиком идут, в их сторону смотрят. Один другому что-то сказал, дальше пошли. Знают, что в паре «Тихон—Красавчик» всегда все тип-топ.

– Да, от пирожка бы я сейчас не отказался...

Почему-то вспомнилась Венера. Был в его жизни момент, когда бывшая жена стала лучшей подругой. Неплохо ведь жил с ней. Сам отогрелся от ее тепла, зэковскую корку с себя почти смыл. Нормальным человеком становился, да и она пить бросила, за ум взялась. Жили бы сейчас душа в душу, она бы ему пирожки пекла. И он бы не расстраивал ее. Так нет, на подвиги, дурака, потянуло... Правильно говорит Красавчик, все равно, кто ты – черный, красный или серый, лишь бы человеком нормальным был. Был же он когда-то таким человеком. И в армии честно служил, и на заводе рабо-

тал, и людей не убивал...

– А есть, кому пирожки печь? – спросил Красавчик.

– Если ты про бабу, то нет...

– Аналогично. На воле женщин полный вагон был, а в зону попал, так и никому не нужен вдруг стал...

– У меня их всего две было за всю жизнь. Две сестры. На старшей был женат, а потом младшая подросла. Жена загуляла, а я с ее сестрой спутался. Любовь была...

– Красивая сестренка?

– Очень.

– Любишь?

Ролан предостерегающе глянул на Красавчика. Обычно они на такие темы разговор не заводили. Другие о бабах трепались без всякого зазрения совести. Ролан слушал, но сам о своем не говорил. Да и Красавчик не очень жаловал такой треп. О многом говорили, а о женщинах нет.

– Извини...

Красавчик понял, что собеседник совсем не настроен отвечать на его вопрос. И замолчал. Но Ролана вдруг прорвало.

– Любил...

Захотелось вдруг выговориться.

– Раньше любил, спасу нет. И сейчас, наверное, люблю. Хотя и не за что ее любить...

– Если любишь по-настоящему, не ищешь, за что любить...

– Ты, братишка, как всегда прав... – кивнул Ролан. – Од-

на жена с бандитом закрутила, пришлось разбираться. Разобрался. И с ним, и с ней... Срок получил. И что? Ее сестра замуж за такого же бандита вышла. Ее сестра и моя Аврора...

– Аврора? Красивое имя.

– Ну да, утренняя звезда... И эта звезда другому светила...

– Почему в прошедшем времени?

– А нет больше мужа.

– Чего так?

– А пристрелили!

– На разборке?

– Какие разборки, о чем ты. Ее муж депутатом Госдумы был. Волоков Михаил Егорович, может, слышал...

– Ну да, слышал что-то, в газетах писали. Депутата убили. Точно, Волоков его фамилия. Типа бескомпромиссный борец за права человека, за то и пострадал...

– Борец, – ухмыльнулся Ролан. – Еще тот борец. За собственные права... Я его сделал. Он в меня стрелял, я в него, такая вот заваруха была... Мне ж за него и срок дали... Депутата завалил, могли бы и пожизненный дать, да, видно, он у многих на пути стоял. А может, мою подстреленную голову пожалели...

– Ничего, лет через семь-восемь выйдешь. Работаешь ты здорово, не быкуешь. Хозяин таких жалует...

– Не люблю я эту барскую волю. Ну да ладно, что есть, то

есть. Будем жить, как фишка легла... Я здесь буду жить, а ты на свободе. Завидую я тебе...

– Я сам, брат, себе завидую. Эх, скорей бы... Хочешь, привет твой Авроре передам?

– Ей?! Мой привет?!

– А что здесь такого?

– Да тебя, братан, за потроха подвешат, если ты к ней от меня сунешься. Она же и отмашку даст, чтобы тебя вздернули... Не любит она меня.

– Чего так?

– История одна нехорошая была. Да и мужа ее я убил...

О нехорошей истории не хотелось и вспоминать. И дернул Ролана бес опрокинуть Аврору на живот и силой задрать ей юбку. Изнасиловал бабу. Потому она и возненавидела его. Может, правильно сделала, что спустила своих церберов с цепи...

– Но я-то здесь при чем? И что она со мной, с мужиком, может сделать? – спросил Красавчик. – Кто она такая?

– Да такая. Муж у нее крутым был. Бизнес, братва, все такое. Теперь она сама крутая. Видел бы ты ее дом – дворец. И охраны – валом... Может, сейчас охраны поменьше. Но все равно, есть кому тебя за шкирку взять. Так что не суйся... Я с ней сам разберусь. Если выйду...

– Как?

– Все-то тебе знать надо... Так и разберусь. Подойду, в глаза ей посмотрю. И скажу: «Прости, если можешь...»

Неправ я был. И зла на нее не держу...

– Может, обратно примет?

– Исключено... Да и не надо это мне...

Слишком далеко от него Аврора, чтобы думать о возможном счастье быть с ней. Даже когда он был рядом с ней, она и тогда была далека... А когда он выйдет на свободу, она будет во сто крат дальше. Ей уже за сорок перевалит. Новый муж, взрослые дети. И своя собственная жизнь, где для Ролана не будет места даже на коврике у дверей. И вряд ли он пойдет к ней, чтобы попросить у нее прощения. Ни к чему это. Лучше им вообще не встречаться. И ей так будет спокойней, и ему не ворошить старую рану.

– Ты это, если хочешь, к жене моей бывшей заскочи, – немного подумав, сказал Ролан. – Я тебе адресок дам.

Он был виноват и перед Венерой. Знал это, хотя и не чувствовал за собой вины. То, что изнасиловал Аврору – так это Венеры касаться не должно. Она первой изменила ему, когда спуталась с бандитом, сама, можно сказать, бросила в объятия своей младшей сестры. Плохо то, что Ролан оставил ее одну, отправившись выяснять отношения с Волоком. Что, если пропадает сейчас Венера без него? Она же по жизни пропащая. Так хоть крепкое мужское плечо рядом было, а сейчас, скорее всего, катится баба под откос под ручку с такими же опустившимися хахалями. Может, одумается, получив от Ролана весточку. Может, прибьется к берегу, чтобы ждать, когда он выйдет на свободу. Дачки слать ему будет,

на свидания ездить. А почему нет? И ей теплей будет, и ему не горевать...

– Посмотришь, как она живет. От меня письмецо передашь, сам весточку мне сбросишь...

– Заметано.

– Только смотри, не балуй.

– В смысле?.. Она что, хороша, твоя бывшая? – задорно и с хитрецей спросил Красавчик.

– Раньше ничего была, а сейчас... Вряд ли она тебе понравится... Но ты все равно не балуй.

Ролан допускал, что Венера спит с мужиками, и ничего, спокойно думал о том. Но было бы обидно, если бы Красавчик залез к ней в постель. Еще решит баба, что он Ролан, сблатовал его на это дело – дескать, езжай к моей бабе и пользуйся ею в свое удовольствие.

– Да не буду, не буду. Слово даю. А ты мое слово знаешь...

Ролан был знаком с Красавчиком чуть больше месяца и не мог сказать, что знает его вдоль и поперек. Но сколько они знают, ни разу не уличил его в подлости. И слово он умеет держать... Ну, а если не сдержит слово, Бог ему судья, и Венере, кстати, тоже...

* * *

– Ничего себе погодка! – поежился от холода Зубодер. Он шел в толпе рядом с Роланом, и в строй становился

тоже вместе с ним. Все, нет больше Красавчика, откинулся парень. Везет его поезд в родные края. А Ролан со вчерашнего дня работает в паре с Зубодером.

– Дуба дать можно.

Ролан и сам пожегился, обнимая себя руками, чтобы согреться. Вчера и позавчера солнце палило несусветно, а сегодня вдруг холодина. И туман поднялся, видимость не больше двадцати метров. Но сейчас утро, к полудню солнце снова задаст жару – и от тумана не останется и следа.

– Телогрейку бы, – сказал кто-то из толпы.

– Ага, и бабу тебе знойную под бок, – осклабился Зубодер.

Работяга он так себе. Привык напарников своих гонять, чтобы те и за себя, и за него вкалывали. Ролан едва удержался вчера, чтобы промеж глаз ему не врезать. От мордобоя воздержался, поговорил по душам. Зубодер сказал, что все понял. Но как он понял, будет ясно сегодня. Если снова волыннить будет, придется навешать ему горячих. Он хоть и считается в авторитете, но Ролан ничуть его не боялся. И не уважал. А какое другое могло быть к нему отношение, если он был вором, а стал, по сути, мужиком-работягой. Впрочем, в этом плане Ролан и сам был ничуть не лучше Зубодера. И себя уважать было не за что. Но, как бы то ни было, жизнь продолжалась...

Плотный низкокалорийный завтрак, развод на работы, погрузка в закрытые фургоны. Два часа пути под конвоем, и партия зэков прибыла на подготовленный к работе участок.

Временное, но по уму построенное ограждение – два ряда колючей проволоки, по периметру – грубо сколоченные вышки с часовыми. Электрический ток по проволоке не пущен, но Ролан опытным глазом разглядел систему сигнализации на прерывание луча. Не слабый, надо сказать, довесок к автоматчикам, собакам и колючке.

То, как охраняется временная промзона, он разведать еще раньше. Была у него мысль о побеге, потому и разнюхивал он все, выводывал. Но сейчас при всем желании он бы не смог разглядеть ни ограждения, ни тем более сигнализации. И вышек не видать – все скрыто туманом. Не рассеялся он, как ожидалось, напротив, усилился. И еще холодней стало. Солнца вообще не было видно.

– Может, работ не будет, а? – толкнув Ролана плечом, сказал Зубодер. – Как в таком тумане работать можно. Друг друга пошибаем...

– Машины уже ушли, я слышал. До вечера здесь останемся.

– Да хоть здесь, лишь бы ничего не делать.

Зубодер как в воду смотрел. Эков на работы не повели. Согнали в кучу под открытое небо, окружили охраной.

Начальство надеялось, что туман со временем все же рассеется. Но только больше сгущался. И в конце концов достиг такой концентрации, что не видно было ладони вытянутой руки и локоть едва угадывался.

– Уходить надо, – тихо-тихо сказал сидевший рядом Зу-

бодер.

– Куда уходить? – не сразу понял Ролан.

– Ноги делать.

– А это идея...

О побеге Ролан привык думать как о чем-то отдаленном. Когда-нибудь, как-нибудь. И вдруг оказалось, что в бега можно уйти прямо сейчас, под прикрытием аномального тумана. Сама природа играла ему на руку. Три дня сильнейшей жары и тут же резкие заморозки – в таких условиях поднявшийся с земли туман обречен стать густым и плотным как молоко. Казалось бы, сгущаться больше некуда, а уже и локтя на руке не видно. И Зубодер куда-то пропал. Сидит рядом, почти вплотную, а не видать его.

– Так чо, на лыжи? – тихий голос сокамерника дрожал от волнения.

Похоже, Зубодер и сам себе не верил, что свобода так близка...

– А идти куда? – осторожно, чтобы не услышал кто, спросил Ролан.

Стукачей вокруг много, выслужиться желающих еще больше – если кто из гнилых услышит, о чем они говорят, – быть беде.

– Там разберемся...

Зубодер был не тем человеком, с которым хотелось бы пойти в разведку. Но делать нечего. Время поджигает – надо торопиться. В любой момент кому-нибудь из зэков при-

дет умная мысль сделать рывок на волю. Удастся побег или нет, но «цирики» поднимут большой шухер. Их много, и они вполне могут создать вокруг толпы зэков такую преграду, что ни одна муха мимо них не пролетит.

– Пошли. Только тихо.

Ролан бесшумно поднялся, за ним встал на ноги и Зубодер. Постояли, прислушались. Никакой реакции – зэки молчат, и охрана ничего не замечает.

В принципе, Ролан ничем не рисковал. Если не сможет пройти сквозь оцепление, если остановят, скажет, что отлить шел. В лучшем случае обматерят, в худшем – накостыляют, а по возвращении в зону закроют в ШИЗО. И не доведут два-три года за попытку побега. А вот если он к запретке близко подойдет... Но туда еще надо добраться.

Он чувствовал, что ближайший к нему часовой где-то рядом. Спокойно все вокруг, и вряд ли он о чем-то сильно беспокоится. И все же надо делать ход конем.

– Смотри, чтобы ни одна сволочь не сбежала, – четким командным голосом сказал Ролан, как будто он был большим начальником, а рядом с ним шел кто-то из подчиненных.

Надо отдать должное Зубодеру, он промолчал, хотя мог сморозить какую-нибудь глупость в ответ.

Видимо, охранник принял прошедших мимо зэков за своих. А Ролан прошел мимо, едва не коснувшись его. Не окрикнул его солдатик, не потребовал назваться. Ну и осел...

Охранное кольцо вокруг эков было достаточно плотным. Но это указывало лишь на то, что сюда на усиление бросили всех часовых с вышек. Значит, никто не помешает им с Зубодером пройти сквозь двухрядную колючку. В таком тумане сигнализация на прерывание луча среагировать на них не могла. Наверняка, она уже сработала на природную аномалию, если так, то ее уже отключили. А она не могла не сработать – настолько плотным был туман.

Они шли в тишине, осторожно переставляя ноги. Закончились голые пни, начался лес попеременно с поваленными бревнами. Дальше просека по периметру зоны. Здесь же и первая линия ограждения – смотанная кольцами колючка «Егоза». Плохо дело: подкоп не сделаешь, а чтобы перепрыгнуть через нее, Бубкой нужно быть. Но Ролан нашел выход из положения. Разделся сам и Зубодера заставил сделать то же самое. Одежду бросили на проволоку, пригнули ее к земле и потихоньку, исцарапав до крови руки и ноги, перебрались на другую сторону ограды. Никто ничего не заметил – вокруг тишина. И только откуда-то издали слышны голоса – что-то случилось в толпе эков, может, кто-то решил воспользоваться моментом да сорваться на волю, но, видимо, неудачно.

Вторая линия ограждения представляла собой классический вариант – столбы, натянутая вдоль и поперек колючая проволока. Струны натянуты так туго, что между ними не пролезть. И все же Ролан чувствовал, что есть где-

то слабина. Но пришлось пройти метров пять вдоль забора, прежде чем удалось ее нащупать. Узкую брешь в ограде пришлось расширять своим телом, втискивая его между колючими струнами. Ролан поцарапал щеку, едва не оставшись без глаза. И спине досталось – несколько кровавых полос украсили его голую спину. Но это казалось малой ценой за почти обретенную свободу.

Зубодеру повезло меньше. Одна колючка так сильно впилась в кожу, что ему пришлось делать порывистое телодвижение, чтобы избавиться от нее. Одна проволока с шумом зацепилась за другую, а мимо как назло проходил патруль.

– Кто там? Стоять! Стрелять буду!

Дробная очередь из угрожающих слов очень быстро переросла в настоящую, автоматную. Солдаты стреляли на шум, и, если бы не гуща леса, которой успели достичь беглецы, если бы не овраг, в который они скатились, им бы пришлось очень худо.

– Давай, давай, за мной!

Зубодер никогда не нравился Ролану, но уж лучше с ним идти через лес, чем в одиночку. Сам он бежал впереди, а сообщнику подсказывал голосом, в каком направлении двигаться. Туман был такой густой, что друг друга они не видели. Более того, Ролан и ста метров не успел пробежать, а уже раз пять стукнулся о дерево – сначала головой, а затем предусмотрительно выставленными вперед руками. Оставалось надеяться, что пущенные по их следу собаки также рас-

шибут себе лбы. А их спустят с цепи. Если уже не спустили...

– Сигареты у тебя есть? – остановившись, спросил Ролан.

Он уже понял, что попал впросак. Впопыхах он обронил одежду, которую подстилал под себя, чтобы преодолеть колючку. И сигареты там остались, и все.

– Смоляки, что ли? – отозвался Зубодер.

– Мы на воле с тобой, парень, а смоляки твои в зоне остались. А здесь сигареты...

– Нет сигарет... Ничего нет...

Оказалось, что Зубодер попал в такую же ситуацию. Нет у него ни клифта, ни штанов. Как и у Ролана – только семейники по колено, грязная майка и сапоги-прохоря.

– Попали мы с тобой, брат... Ты за «Динамо» давай, а я за «Трудовые резервы». Бежим!

Знаменитая сцена из «Джентльменов удачи» когда-то казалась ему смешной. Но сейчас ему было не до смеха. Дело табак – в том смысле, что нет у них табака, которым можно было посыпать свой след, чтобы сбить с него собак. Одна надежда на туман и на слабый профессионализм кинологов, натаскивающих своих псов на эков. Овчарки могут наброситься на их брошенную одежду и вместо того, чтобы продолжать движение, будут терзать ее зубами. Хорошо, если так случится. А если нет, тогда все...

Они бежали долго, стучаясь о деревья и натываясь на кустарники. И все же собаки настигли их. Где-то вдалеке слышался их лай, когда Ролан с ходу, споткнувшись о ка-

мень, рухнул в прохладную, затянутую ряской воду лесной речушки. Это было их с Зубодером спасение. Вниз по слабому течению, по мелкому заиленному дну...

Из воды они вышли совершенно мокрыми. Ролан облегченно вздохнул. Теперь собаки должны потерять их след. Но вдруг на них обрушилась другая напасть. Мелкий противный гнус облепил мокрые тела беглецов со всех сторон, снизу и сверху. Они бежали, безуспешно отмахиваясь от мошканы. Бежали, теряя силы и кровь.

Первым не выдержал темпа Зубодер.

– Сдохнуть лучше, чем так! – останавливаясь, заявил он.

– Тебе помочь? – гаркнул на него Ролан.

– Помоги себе сам... Давай отдохнем, а то уже сил нет.

Ляжем, давай...

– Ну, ну, попробуй!

Зубодер обессиленно рухнул на землю, но его хватило не больше, чем на минуту. Вскочил на ноги и с воем волчком закрутился вокруг своей оси. Самому Ролану было не легче. Гнус продолжал тянуть из них силы и соки...

– Идти надо, не то...

Ролан не договорил. Откуда-то из туманной жижи без гавканья, с тихим, но решительным рычанием выскочил пес и с прыжка набросился на Зубодера. Тот закрылся руками, что спасло его горло от собачьих клыков.

Овчарка вцепилась ему в плечо, сбила с ног. Зубодер мог бы сунуть здоровую руку ей глубоко в глотку, чтобы она не

могла кусать. Мог бы извернуться, чтобы схватить ее обеими руками за шею, но страх парализовал его разум. В панике он катался по земле, бестолково пытаясь отбиться от зубастого чудовища. Зато не растерялся Ролан. Прыгнул на пса, сверху руками обхватил его шею и принялся душить.

Собака была сильной, сытой, она не хотела подыхать, поэтому извивалась как могла, чтобы скинуть с себя живые тиски из цепких рук. Но Ролан не ослаблял хватку и в конце концов дождался, когда овчарка стихнет. К этому же времени Зубодер пришел в себя, оправился от потрясения. Рукой прикрывая окровавленное плечо, он со всей силы пнул ногой лежащий на земле труп.

– Погань позорная! Ненавижу!

Глянул на Ролана, оскалился в благодарной улыбке.

– Ну ты волк, в натуре... Я бы и сам эту мразь сделал, но ты, по-любому, молоток...

Он хотел сказать еще что-то в том же духе, но Ролан охладил его словоблудный пыл.

– Ты не болтай, ты по сторонам смотри. За первой псиной вторая может быть...

Зубодер втянул голову в плечи, опасливо огляделся по сторонам. В глазах страх, ушки на макушке. На разодранное плечо не обращает внимания и про лепнину из гнуса забыл.

– Дальше пошли! – подтолкнул его Ролан.

Собак больше не было, со временем опасность стать их жертвами сошла на нет. Зато гнуса становилось все больше.

И кусали они все плотней и больней.

В конце концов Зубодер не выдержал, опустился на колени, лег на бок.

– Все, это предел... Придуши-ка ты меня, браток, – попросил он.

Уговаривать его Ролан не стал. Он и сам был на пределе, но сдаваться не собирался. Понимал, что надо идти – не важно куда, лишь бы подальше уйти от возможных преследователей. Пусть там, в лесной глуши нет никакой пищи и крова, пусть там гнуса тьма-тьмушая, но идти надо. Идти, пока несут ноги. И если Зубодер выбился из сил, то это его личное горе. Пусть помирает, если он такой малодушный. Что в лесу, что на зоне – каждый за себя.

– Сам сдохнешь, – обронил он и двинулся дальше.

– Эй, так нельзя. Не уходи.

– Можно, – останавливаясь, сказал Ролан. – И уйду.

– И меня бросишь?

– А ты мне кто такой, чтобы возиться с тобой?

– Э-э, не уходи! – отчаянно заскулил Зубодер. – Подожду же!

– Тогда за мной. Через не могу...

Ролан продолжил путь.

– Притормози, – крикнул вдогонку Зубодер. – Я за тобой!

Он действительно поднялся с земли, с трудом, но последовал за Роланом. Отчаянно матерился, вяло отмахивался от гнусной мошкары. И шел, шел... Ни крова, ни пищи, ни

огня – ничего, только гнус и неизвестность. Но Ролан продолжал переставлять ноги даже после того, как на лес опустилась ночь. Что в тумане, что в темноте...

Волков он не боялся, потому что сам чувствовал себя волком – пусть и обессиленным, но злым и жадным до жизни. Он твердо верил, что сможет выйти из леса к людям, если не получить, то вырвать у них помощь. Верил и шел, без остановок, преодолевая боль истерзанного тела. Его уверенность передалась и Зубодеру. Понимая, что на буксир его брать никто не собирается, из опасения потеряться и сгинуть в лесу, он шел за Роланом через буераки, буреломы и топи, по темноте и ночному холоду...

Глава 4

Максим не решился взять себе имя какого-нибудь древнегреческого божества, но его фигуре мог позавидовать сам Аполлон. И лицо – эксклюзив от матушки-природы. Все по максимуму, в точном созвучии с его именем, которое он слегка изменил. Максимум танцевал в группе красивых и мускулистых мальчиков, но все внимание женщин было обращено к нему одному. Аврора же вообще не могла оторвать от него взгляд. Бутафорский, но великолепно исполненный шлем римского легионера, наплечные щитки, мощный голый торс, широкий пояс, кожаный низ, длинный кинжал в ножнах. Он был великолепен...

Максимум был гораздо лучше, чем Гефест. Но этих парней объединяло одно – к тому и другому Аврора склонна была относиться как к красивой развлекательной игрушке. Ничего духовного, только телесное. Но как же она хотела поскорее вкусить этот телесный плод...

Она знала много об этом парне. Лидер танцевальной группы, родом из Санкт-Петербурга, двадцать два года. Даже ориентацию его выяснила – гетеросексуал, большой любитель женщин. Типичный бык-оплодотворитель.

Максимум закончил выступать и первым исчез со сцены – к великому неудовольствию озабоченных дамочек, жаждущих прикоснуться к мужскому телу. Сегодня в их пользо-

вании танцоры из группы Максимуса, а он сам спешит на встречу с Авророй. Она ждала его в кабинете управляющего клубом, широкие окна которого выходили прямо в зал. Отсюда она наблюдала за танцем, здесь же она будет принимать главного героя столь волнующего действия.

Парень не заставил себя долго ждать. Предстал перед ней в том же театральном образе римского легионера.

– Вы меня звали? – спросил он с порога.

Глаза красивые, но какие-то скучные. Аврора посмотрела в них с надеждой обнаружить хоть немного живого огня. Бесполезно.

– Почему ты обращаешься ко мне на «вы»? – удивленно спросила она, показывая ему на свободное кресло.

Но Максимус остался стоять, глядя куда-то мимо нее.

– Ну, вы же здесь всем заправляете. А мне еще здесь работать, – сказал он и вяло повел могучими плечами.

– А ты со мной поработай. Считаю, что я позвала тебя на приват.

– Станцевать? Не вопрос. Давайте музыку... Но только танец.

– А что, больше предложить нечего?

– Ну, могу спеть.

– И все?

– Поглубже ничего нет.

– Почему?

– Я не альфонс, я актер эротического танца.

– А я слышала, ты каждый день меняешь женщин...

Аврора не удержалась, подошла к нему, нежно провела пальчиками по шершавой коже наплечного щитка, коснулась ими оголенной кожи. Но Максимус как будто этого не заметил.

– Ну, каждый день – это слишком, – нехотя сказал он. – А в общем-то да, меняю. Но так это по желанию, а не по принуждению...

– А ты пожелай.

– Не могу.

– Почему?

– А вы не в моем вкусе.

– Не в твоём вкусе?! – возмутилась Аврора. – Ты что, педик?

– Нет, и никогда не был... Просто у меня изысканный вкус. Извините, ничего не могу с этим поделать...

– Изысканный вкус?! То есть ты хочешь сказать, что я такая страшная, что не могу тебе понравиться?

– Ну, не страшная... Но некрасивая. И старая...

– Старая?! – вскипела Аврора.

Чего-чего, а столь вопиющей наглости от этого красавчика она не ждала.

– Ну, не то чтобы очень уж старая. Но не респект... Сколько вам лет, за сорок уже, да? А мне всего двадцать два...

– Мне?! За сорок?!..

Авроре казалось, что мир вокруг летит в тартарары. Все

считали ее потрясающе красивой, уверяли, что выглядит она максимум на двадцать лет. И тут вдруг выясняется, что это совсем не так. Страшная она и старая...

– Да вы не расстраивайтесь, – попытался утешить ее Максимус. – У нас в группе Орфей есть, он у нас на старухах помешан. Вы его позовите, он все сделает...

Не чувствуя под собой ног от волнения, Аврора пытливо глянула на него. Может, он нарочно издевается над ней. Но нет, в его глазах не видно насмешки, лицо предельно серьезное. Похоже, он говорит то, что думает. Может, он идиот по жизни, но в женщинах он должен знать толк. И если считает, что Аврора – страшная старуха, то значит, так оно и есть на самом деле.

– Иди, – тихо, в замешательстве сказала она.

– За Орфеем?

– Иди на!.. – взвизгнула Аврора.

Никогда и никого она так грубо не посылала. Никто и никогда, казалось, ее так сильно не оскорблял... Неужели она и впрямь – скверная и выжившая из ума старуха?

Максимус пожал плечами. Дескать, разве на правду обижаются? И молча вышел из кабинета.

Аврору колотило так, что зуб на зуб не попадал. Трясущими руками она вытащила сигарету из пачки, закурила, глубоко затянулась. Курила она редко, в случаях сильного душевного волнения. Сейчас же она была расстроена настолько, что возникло желание сунуть в рот сразу несколько си-

гарет.

Последний раз она курила давно, сейчас затягивалась глупо – от крепкого табачного дыма закружилась голова, даже онемели кончики пальцев. Но она продолжала затягиваться, не обращая внимания на побочные эффекты. Сейчас она могла обращать внимание только на сильную душевную боль. Никогда еще ей не было так обидно за себя, как сейчас! Почему так – ей всего тридцать лет, а она уже старая и некрасивая?

Вне себя от переживаний, она не сразу поняла, что в кабинет вошел Алик Мотыхин. Как всегда, он появился внезапно и бесшумно.

– Что-то случилось? – не здороваясь, участливо и озабоченно спросил он.

– Скажи, я правда старая? – надрывно спросила она.

– Ты?! Старая?.. Ну, если двадцать лет – это старость, то да...

– При чем здесь двадцать лет? Мне *уже* тридцать!

– Но выглядишь-то ты на двадцать!

– Вранье!.. Зачем ты... Зачем вы все мне бессовестно врите?

Она чуть не плакала от обиды. Слезы еще не катились по щекам, но глаза уже мокрые.

– Никто не врет. Ты действительно выглядишь великолепно!.. А что случилось? Отчего такая озабоченность?

– Я старая и некрасивая – это правда?

– Это полная чушь... С чего ты вообще взяла?.. Посто-й-ка, мне сказали, что у тебя э-э... ну, стриптизер был... Не помню, как его зовут...

– Максимус.

– Да хоть Минимус...

– Он сказал, что я старая и страшная!

– Он это сказал?.. Да я лично башку ему оторву! – возму-тился Алик.

– А смысл? Я же от этого не помолодею...

– Зачем тебе молодеть? Ты и так молодо выглядишь. И красивая...

Аврора уже начала успокаиваться, но тут Алик выдал:

– Не знаю, как для кого, но для меня ты самая молодая и самая красивая.

– Для тебя?.. Только для тебя?!.. Но я хочу быть красивой для всех!

Все-таки брызнули слезы из ее глаз, все-таки намокли ще-ки.

– Зачем тебе все? Тебе хватит и одного меня, – уверен-но сказал Алик. – Чем я хуже твоего Гефеста? И Максимус этот ничем не лучше меня. Я бы сказал, хуже... Не нужны тебе эти придурки! Тебе нужен настоящий мужчина... Нет, жениться я на тебе не хочу...

Аврора бы промолчала, если бы ее уязвленное самолюбие не заорало во всю глотку:

– Не хочешь на мне жениться?

– Ты не так поняла... Так будет нечестно, если я на тебе женюсь. Ты – богатая вдова, я при тебе буду прихлебателем, а я так не хочу. Разве что гражданский брак... Или брачный контракт...

– Брачный контракт?.. Мы что, говорим уже о свадьбе? – спохватилась она. – Хочешь сказать, что, кроме тебя одного, я никому больше не нужна...

– Нет, я хочу сказать, что никто не будет любить тебя так сильно, как я... Знаю, что размазываю сопли, как глупый юнец, но так оно и есть. Никто и никогда...

– Скажи, я старая?

– Нет. Для меня нет... Но для Максимуса – возможно. Он совсем еще молодой, для него тридцать лет – это уже старость. И для твоего Гефеста тоже. Для них ты – источник денег и хорошей жизни, не более того...

– Но Максимум не думал о деньгах, которые мог бы от меня получить. Он думал о том, какая я старая и страшная...

– Твой Максимум – голубой. Только голубой мог сказать такое... погоди, я сейчас...

Алик достал из кармана пиджака тонкую трубку сотового телефона, нажал на клавишу, кому-то позвонил. Он говорил так тихо, что Аврора не разобрала слов. Зато к ней обратился громко.

– Удивительно, но с ориентацией у него все в порядке. По бабам ходок... Почему же он так тебя оскорбил... Я с ним поговорю, хочешь? Научу жить...

– А кто меня жить научит, после того, что я от него услышала! – взвилась Аврора.

Не надо было Алику выяснять ориентацию Максимуса. Не надо было лишний раз подтверждать правоту слов этого красавчика. Женщина может смириться со всем, даже с мужем-бандитом, но с тем, что она старая и некрасивая, – никогда!.. Ну за что же ей такое наказание?

– И все равно я ему башку откручу... – пригрозил Алик.

– А я так и останусь старой и страшной?

Аврора пыталась, но никак не могла взнудать свою ярость.

– Для меня – нет! – решительно мотнул головой Мотыхин.

– А для всех?

– Все меня не волнуют. Меня волнуешь только ты!

В смятении чувств Аврора не сразу поняла, что Алик воспользовался ее слабостью. Как-то так вышло, что он взял ее за руку и посадил к себе на колени. Одной рукой обнял за талию, другой взял за левое плечо. И если бы его пальцы не соскользнули вдруг к левому полушарию ее бюста, она бы продолжала сидеть у него на коленях, не замечая того.

– Что ты делаешь? – возмутилась она.

И попыталась подняться на ноги, но Алик крепко и в то же время мягко обвил обеими руками ее талию, не выпустил из своих объятий.

– Ты хоть понимаешь, что это слишком? – спросила она.

– Понимаю, но не совсем. Чем я хуже твоего Максимуса?

– Хуже!

Он продолжал удерживать ее у себя на коленях, а она больше не предпринимала попыток вырваться. Что ни говори, а после пережитого она чертовски нуждалась в мужском тепле и ласке. И если все считают ее страшной и некрасивой, то почему она должна гнать от себя Алика? Не так уж он и плох, если разобраться.

– А ты дай мне возможность доказать, что я не хуже, – одергивая рукой ее задрвшуюся юбку, сказал он.

– Дать возможность? Или просто дать?

– Можешь просто... А я докажу, что со мной совсем не просто. Ты поймешь, что лучше меня никого нет...

– Ты – похабник! Ты хоть понимаешь это?

– Я люблю тебя. При чем здесь похабство?.. А твой Гестиф никогда тебя не любил. Максимус, тот вообще тебя не хочет. А ты спала с одним и собиралась отдаться второму. Прямо здесь бы и отдалась, вот на этом диване...

– И ты хочешь на этом диване?..

Аврора уже понимала, что не устоит, если Алик прямо сейчас уложит ее на мягкий кожаный диван. Хотя она и не любит его, но так уж вышло, что утешить ее мог только он один. Пусть он один и остается в ее жизни...

– Хочу. Очень хочу... А потом я буду говорить тебе красивые слова...

Он легко взял ее на руки, вместе с ней поднялся на ноги и мягко опустил на диван. Он как нельзя лучше понял ее на-

строение. Ей не нужны были красивые слова, ее бы стошнило от ахов и вздохов под луной. Сейчас ее можно было взять только натиском и решимостью. И он понимал это так же хорошо, как и она сама...

Все-таки свершилось то, к чему Алик так стремился, все-таки упала Аврора в его объятия.

– Зачем ты это сделал? – поднявшись с дивана, недовольно спросила она.

– Затем, что ты этого хотела, – сказал он, наблюдая, как она одевается.

В кабинете было темно, но через внутреннее окно сюда долетали отсветы ночного шоу. Народ в зале колбасился всю – убойная музыка, стриптиз, алкоголь, и возможно наркотики, делали свое дело.

Аврора заметила, что он смотрит на нее.

– Отвернись, – потребовала она.

– Я просто закрою глаза, дорогая! – блаженно улыбнулся он.

– А я сказала, отвернись!.. И никакая я тебе не дорогая!..

Алик лишь усмехнулся. Кобылу достаточно объездить один раз, и, как бы она потом ни показывала свой нор, под седлом ей все равно быть.

– Мы бы могли поехать ко мне, – сказал он.

– И не мечтай...

– Тебе не понравилось?

– Заметь, ты сам это спросил. Да, не понравилось...

– А мне кажется, что да...

– А мне кажется, что нет!

Алик уязвленно поморщился. Упрек постелью – это для мужчины так же больно, как для женщины насмешка над ее внешностью. А он помнил, как вела себя с ним Аврора. Вроде бы отдавалась ему, но на него так ни разу и не взглянула. Все время лежала с закрытыми глазами, чтобы не видеть его лица. Что, если он представляла на его месте своего Гефеста или этого Максимуса... А может, и Ролана!.. Если Ролана, то это самое настоящее проклятие. Алику больно было думать о том, что Аврора из-за своего Ролана не может увидеть в нем достойного во всех отношениях мужчину. Не может она простить ему того выстрела, который едва не отправил Ролана на тот свет. Как будто не она позволила ему выстрелить...

– Ничего, стерпится – слюбится, – подумал Алик, и вдруг понял, что свою мысль он озвучил вслух.

– Как ты сказал, стерпится? – возмущенно протянула Аврора. – Ты хочешь сказать, что я стану тебя терпеть?

– Неужели все так плохо? – упавшим голосом спросил он.

Только что ему казалось, что он сорвал звезду с неба, но сейчас от уверенности в себе не осталось и следа. Аврора снова опустила его на уровень плитуса.

– Я не скажу, что плохо... Но не скажу, что хорошо...

– Но ведь не плохо же! – воспрял он духом.

– Будет еще лучше, если ты вызовешь мне машину.

– Любой каприз... Ты жалеешь?

– Твоя беда в том, что ты постоянно спрашиваешь, как и что, – снисходительно, но с душой улыбнулась она. – Не надо спрашивать. Будь проще, глядишь, и люди к тебе потянутся...

– Буду проще... Просто я хочу, чтобы тебе всегда было хорошо.

– Будет хорошо, если ты отвезешь меня домой.

Алик снова расправил крылья. Только что Аврора хотела, чтобы он просто организовал ей машину, а сейчас она ждет, чтобы он отвез ее домой... Все-таки смог он объездить эту непокорную кобылицу!

Он бы отвез ее домой, если бы снова не допустил ошибку. Переборщил с выбором машины. Надо было вызывать джип с охраной, а он заказал лимузин – а там простор, мягкий кожаный диван, условия для интимно-романтических свиданий – именно последнее и не понравилось Авроре. Поэтому она отправилась домой одна. Но Алик не пал духом. Он свято верил, что рано или поздно Аврора покорится ему окончательно.

Он вернулся в клуб, вызвал к себе Максимуса.

– И как же ты, пацан, спать теперь спокойно будешь? – глумливо спросил он. – Таковую женщину упустил.

– Так это, вы же сами сказали, – опуская глаза, угнетенно вздохнул парень.

Алик узнал, что Аврора положила глаз на Максимуса, по-

тому и проделал с ним определенную работу. Этот красавчик нарочно выбил ее из колеи, и Алик сумел воспользоваться ее душевным смятением.

– Хорошо поработал. Десять штук твои. Забирай своих педиков и вали отсюда, чтобы завтра духу твоего здесь не было! Вопросы?

Максимум прекрасно знал, с кем имеет дело. Алик обладал такими возможностями, что мог размазать его одним движением пальца. Поэтому возражать не стал. Получил свои деньги и был таков.

Только он вышел из кабинета, как появилась Катя. Алик недовольно глянул на нее. После того, что у него было с Авророй, эта девка больше не вдохновляла его. Но гнать ее от себя он не стал. Она еще может пригодиться ему – и в постели, и вообще...

– А что ты с Максимумом здесь делал? – ехидно спросила Катя.

Она знала, что у парня проблемы с нормальной мужской ориентацией. Что бы ни думала о нем Аврора, он был голубым – если не стопроцентно, то рядом с тем.

– Что делал, то делал. Тебя не касается, – нехотя обронил Алик.

С ориентацией у него все было в полном порядке. Но ему вовсе не хотелось оправдываться перед Катей. Она может думать что угодно, все равно никому ничего не скажет – Алик был уверен в том. Ведь она не только хотела жить хорошо,

она хотела жить вообще...

Глава 5

Ролан не сразу понял, что вышел к большой реке. Сначала утопил больные ноги в воде, а затем поднял голову, чтобы обозреть пространство перед собой. И оторопел: река была не просто большой, а огромной, километра полтора шириной – вплавь такую не возьмешь, о том, чтобы перейти ее вброд, и говорить нечего.

«Все, пришли», – мелькнуло в голове.

Ролан обессиленно опустился на мокрую траву возле самой воды. Спустя время рядом плюхнулся Зубодер. На него страшно было смотреть – распухшее от укусов и разодранное в кровь лицо, тело – сплошной синяк, вываленный в грязи, глаза без признаков жизни – пустые и бездушные, как у зомби.

Сам Ролан был не в лучшем виде. Так же сильно пострадал от лесных кровопийц. Москиты и сейчас продолжали одолевать его, но он уже перестал воспринимать их, почти не чувствовал их укусов. Зато усталость валила с ног. И голод давал о себе знать. А еще голова сильно болела и кружилась. Несколько раз он падал, не в силах продолжать путь, но всякий раз поднимался. И Зубодер, надо отдать ему должное, не отставал от него.

Четверо суток они шли через лес, не ведая пути. Шли, чтобы идти. Ни людей на своем пути не встречали, ни жи-

ля. Сплошная глухомань. И сейчас вокруг, насколько хватало глаз, не было ни единой избы или хотя бы дымка. Безлюд-ные места. Но дышать стало легче. Реки на то и существуют, чтобы вдоль них селился честной народ. Не важно, куда идти – вверх или вниз по течению, все равно рано или поздно они выйдут к людям. А там уже видно будет, что делать...

– Эй, вы живые? – послышалось сзади.

Голос грубый, но явно человеческий. Ролан резко обернулся. Голова закружилась, перед глазами пошли розовые круги, но он все же сумел различить двух мужиков в брезентовках. Они стояли на высоком берегу, фактически нависали над беглецами, один с ружьем, другой почему-то с удочкой. Охотник и рыбак – не совсем обычное сочетание.

– Смотри, живые! – сказал один. – А я думал, утопленников на берег выбросило.

– Какие утопленники? – хмыкнул второй. – Смотри, грязи на них сколько. Водой бы смыло, а так нет...

– Что делать с ними?

Ролан бы сказал, что с ним нужно делать. Но у него давно уже закончились силы для того, чтобы говорить. За последние сутки они с Зубодером и словом не перекинулись.

– Пристрелить, и вся недолга...

Ролану показалось, что он слышит щелчок взводимых курков. Если ружье двуствольное, то с Зубодером он умрет почти одновременно. И понесутся их души в рай. Но вернее всего, свалятся в бездну ада... Рано ему еще на тот свет. По-

жить бы чуть-чуть – лучше всего в тишине и покое. Хотя бы пару смертных грехов замолить. Но, судя по всему, не бывать этому. Лес – это те же джунгли, не загрызешь ты, загрызут тебя. И охотник правильно сделает, если застрелит их с Зубодером. Если нет, то сам может оказаться с перегрызенной глоткой. Не тот сейчас случай, чтобы церемониться...

– Зачем грех на душу брать? Пусть живут, – сказал рыбак.

– Странные они какие-то. Голые и в сапогах... Прохорья это эковские, беглые, видать... Эй вы, кто такие, отвечайте! А то ведь пальну сейчас!

– Пожрать дай, а потом стреляй... – выдавил из себя Зубодер.

Ролан с удивлением глянул на него. Он-то думал, что его спутник совсем уже выбился из сил. Видать, еще не весь пар из него вышел.

– Пожрать? Ну ты меня насмешил!.. В ментовке пожрать дадут!.. А ну пошли, каторжные! Считаю до трех!..

Ролан не стал пытаться судьбу. Не чуя под собой ног, встал, с трудом, но все же поднялся на кручу обрывистого берега. И Зубодер повторил его маневр. Они вместе вышли на охотника, который отошел в сторону, чтобы держать их на расстоянии от себя. Рыбак тоже вооружился. Ролан заметил, как в его руке блеснул сталью увесистый тесак.

– Пошли!

Он почувствовал, как в спину ткнулся холодный ствол. Можно было бы резко развернуться, отбить ружье, взять его

владельца на прием. Но не было для этого сил. Да и охотник отступил назад, чтобы избавить его от иллюзий.

Рыбак пошел вперед. Он показывал путь, а за ним, едва переставляя ноги, шли еле живые беглецы. Охотник без устали подгонял их, но сил это им не добавляло и скорости тоже.

Впрочем, идти далеко не пришлось. Рыбак вывел Ролана и Зубодера на большую солнечную полянку вдоль пологого берега Камы. А там – две двухместные палатки, «УАЗ» армейского образца с гражданскими номерами, грубо сколоченный стол с такими же скамейками, костер, мангал, что-то в котелке варится. У Ролана рот заполнился слюной, когда он уловил носом запах наваристой ухи. Но возле костра никого нет. Зато в палатке какое-то движение.

– Не понял! – взвыл от возмущения охотник.

И пальнул в воздух сразу из двух стволов. Из палатки тут же вывалился патлатый мужик в брезентовке и в наспех натянутых трусах в горошек. Схватившись за голову, побежал к реке.

– Стой! Убью козла! – заорал ему вслед охотник. – И тебя, Танька, паскуду!

Ролан увидел, как охотник загнал патроны в пустые стволы, распрямил ружье. И дураку ясно, что произошло. Пока один мужик бродил вдоль берега в поисках добычи, другой поживился его женой Татьяной...

Ролан пожалел, что не успел воспользоваться моментом. Пока охотник перезаряжал ружье, можно было атаковать его,

скрутить ему шею. Зубодер бы разобрался с рыбаком... Но уже поздно что-либо предпринимать. Ружье снова заряжено. Оставалось надеяться, что охотник сначала пристрелит нахала в трусах, а затем и свою жену. И пока будет перезаряжать ружье, Ролан вцепится ему в глотку. Сил у него совсем нет, зато злости хоть отбавляй.

Из палатки выскочила не совсем молодая, но стройная и довольно-таки симпатичная баба. Туристическая ветровка с капюшоном, длинная, немного выше колен. А сами колени голые, и, похоже, под самой ветровкой ничего нет.

– Сашка, не надо! – хватаясь за голову, закричала она. – Ты не так все понял!

– Сука ты! Это я не так понял? Сука ты и есть сука! Пригрел гадюку!..

– Пойми, я его люблю! – всхлипнув, кивком головы женщина показала на убегающего мужика.

– Пашку?! Любишь?!.. – заорал на нее охотник Сашка. – Ты любишь этого чмыря?! Лучше бы ты мне этого не говорила!

Танька попыталась перевести разговор в другое русло и показала на беглецов.

– Это кто такие? Где ты их выкопал?

– Где я их выкопал?! Из могилы выкопал! Знал, что у тебя бешенство, поэтому и выкопал!..

– Сашка, успокойся!

– Заткнись, тварь!!!.. Я тебе сейчас покажу, что такое лю-

бовь! Ложись, сука! Ложись, или убью!

Танька подчинилась. Недоуменно и в панике глядя на мужа или любовника, легла на траву.

– Ноги раздвигай!

– Сань, ты чего? С катушек съехал?

Молчавший доселе рыбак попытался приструнить своего взбесившегося товарища, но тот навел на него ружье.

– А ты чего, Колян?! Может, и ты эту суку имел, а?

– Сань, побойся Бога!

– А она! Она чего-нибудь боится, а? – Показывая на лежащую женщину, заорал: – Я сказал, ноги раздвигай!.. Я сказал, ноги!..

Танька разрыдалась, но ноги раздвигать не стала.

– Не боишься, да? Будешь бояться! Будешь!!!

Сашка направил ружье на Зубодера.

– Ты ее боять будешь, понял?

И снова Зубодер удивил Ролана. На бабу силы нужны, а тот еле живой от дикой усталости. Но Зубодер и слова против не сказал. Молча стянул трусы, навалился на Таньку, ловко коленом раздвинул ей ноги...

Ролан думал, что в этой жизни его ничем нельзя удивить. Но сейчас он изумленно смотрел на Сашку. Как этот урод мог додуматься до такого, чтобы бросить свою женщину под грязного зэка? Он или совсем с катушек съехал, или нелюдь по жизни... И друг его Колян молчит. Смотрит глазами-блюдцами, как беглый зэк пыхтит над женщиной. А ведь

мог бы забрать у Сашки ружье, а ему самому набить морду. Но нет, даже не пытается сделать это. Видать, захватило его непотребное зрелище...

Зубодера надолго не хватило. Зато Сашка продолжал неистовствовать.

– Теперь ты!

Он направил ствол на Ролана. Теперь он должен был надругаться над несчастной женщиной. В принципе, силы для этого у него были: наскреб их по сусекам, пока стоял. И желание было: он же мужчина, и ничто мужское, само собой, ему не чуждо. Но насиловать женщину, да еще из-под палки...

– Не буду! – мотнул он головой.

И шагнул навстречу мерзавцу.

– Стоять! – взвизгнул тот.

Но на спусковой крючок нажал не сразу, а лишь после того, как Ролан подошел к нему на опасно близкое расстояние. От выстрела зазвенело в ушах, но тело не пострадало. Своевременный удар по стволу отвел его в сторону, пуля ушла в пустоту. Захват, бросок, добивающий удар.

Ролан сумел вырубить противника, забрал у него ружье. Но в бессилии опустился на землю. Голова кружилась, боль застилала глаза, но он все же навел стволы на рыбака Кольку.

– Эй, ты чего? – запаниковал он.

– Теперь твоя очередь! – глумливо хохотнул Зубодер.

Похоже, общение с женщиной придало ему сил. И он даже

забрал у Ролана ружье, чтобы держать рыбака на крючке.

– Как скажешь...

Колька начал расстегивать ремень на своих брюках.

– Ты чо, угод? – рыкнул на него Зубодер. – Раньше о бабах думать надо было! А сейчас мокрое!

Удерживая ружье одной рукой, пальцами другой он провёл по своему горлу.

– Дружка своего кончай, понял!

К своему ужасу, Колька все понял. И Танька догадалась, что может сейчас случиться.

– Не надо! – заголосила она.

И, рухнув Зубодеру в ноги, обняла его двумя руками за сапог. Но тот заорал на нее, высвободил ногу и пнул ее в бок, как шелудивую псину.

– Пошла отсюда, шалавая! – заорал он.

И для убедительности не очень сильно, но все же ударил ее прикладом по голове. Танька сознания не потеряла, но обхватила голову руками и заскулила, зубами кусая траву.

Этот удар подействовал и на Кольку. Он в страхе смотрел на Зубодера, ладонями закрывая свою никчемную голову.

– Считаю до двух! – рявкнул на него тот.

Колька не выдержал, вытащил из-за пояса тесак, рыдая, на коленях подполз к неподвижному телу своего друга и вонзил широкий и, судя по всему, очень острый клинок ему в живот. Брызнула кровь, полезли внутренности. Охотник Сашка ожил, дернулся, не в силах подняться, рыбака Кольку вы-

рвало прямо на него.

– Еще! – потребовал Зубодер.

И снова рыбак ударил друга ножом. И еще раз, и еще... Он бил его до тех пор, пока тот не затих и не уставился в небо стекленеющими глазами.

– И зачем ты это сделал? – презрительно скривился Ролан.

– Вот и я спрашиваю, зачем? – злобно ощерился Зубодер.

И хладнокровно выстрелил Кольке прямо в голову.

– Вот убудок, да?

Зубодер торжествующе смотрел на Ролана, требуя одобрения. Но тот ничего не сказал. В принципе, его спутник сделал все как надо, и, пожалуй, на его месте он поступил бы так же. Но убивать не хотелось – ни своими, ни чужими руками.

– С этой что делать?

Так и не дождавшись одобрения, Зубодер легонько пнул лежащую на земле женщину.

Ролан лишь пожал плечами. Ее тоже нужно было убить, чтобы она не смогла рассказать ментам про беглых зэков, устроивших кровавую расправу. Но людей убивать нехорошо, тем более, если они ни в чем не виновны...

Зубодер хотел еще что-то сказать, но заметил бегущего к палаткам человека. Это был тот самый Пашка из-за которого и пострадала оприходованная им Татьяна. И зачем он, идиот, бежит сюда, размахивая каким-то дрыном? Удирать ему отсюда надо, да так, чтобы пыль столбом из-под пяток. Так нет, верной смерти, дурак, ищет.

Зубодер вскинул ружье, и Ролан воспринял это как должное. Источник опасности должен быть уничтожен, иначе никак...

Выстрел сотряс воздух, но пуля поразила лишь пустоту. Промаяхнулся Зубодер, зато мужик развернулся на сто семьдесят градусов.

– Уходит, твою мать! – заорал зэк.

Его захлестывали эмоции, но на умственном процессе это мало отразилось. Зубодер догадался склониться над покойным охотником, выдернуть из его патронташа пару зарядов. Бабах! И снова мимо... Бабах! Беглец лишь ускорил шаг.

Зубодер снова зарядил ружье, но стрелять не стал.

– Давай ты!

Ролан едва держался на ногах, руки его дрожали. Но ему нельзя было ударить в грязь лицом. Он должен был показать своему спутнику, что стоит многого, только так он мог сохранить право на лидерство. К тому же в нем проснулся инстинкт волка, агрессивно реагирующего на все убегающее. Противник бежит, значит, его нужно догнать и уничтожить. И как свидетеля его отпустить нельзя.

Ролан взял ружье, собрался с силами, прицелился, уперев руку о капот «уазика». Ружье охотничье, не нарезное, неизвестно, как пристреляно, оптического прицела нет, а до человека-мишени метров сто пятьдесят, а то и все двести. В прошлом он был неплохим снайпером, а как он справится с задачей в настоящем?

Ружье с грохотом дернулось в руках, приклад ударил в плечо. Но мужик продолжал бежать. Ролан стиснул зубы. Он не видел, как далеко прошла от него пуля, он не знает, какую поправку брать. А в стволе всего один патрон, и время работает против него. Цель все дальше и дальше...

Бабах! Мужик упал, как будто споткнулся. Поднялся, снова побежал. Но скорость уже не та. Прихрамывает, бедолага, рукой держится за простреленный бок. Зубодер подал патроны.

– Добей козла этого прыгучего!

Ролан перезарядил ружье, но стрелять не стал. Беглец без того споткнулся, упал, но подняться больше не смог. Так и остался лежать в траве.

– Догони его! – снова потребовал Зубодер.

– Сам! – резко и четко отсек Ролан.

И протянул ему ружье.

Зубодер думал недолго. Оскалился как шакал, дождавшийся, когда недорезанная волком овца упадет от потери крови. Схватил ружье и насколько мог быстро направился к жертве.

Ролан осмотрелся. Два трупа и тихо подвывающая женщина. Две палатки со всем необходимым для отдыха на природе, далеко не старый и не изношенный «уазик», в повышенной проходимости которого он убедился, еще когда служил в армии. Уха в котелке, в мангале остывающие угли, рядом продолговатый тазик, на нем шампуры с нанизанными

ми на них кусками красной рыбы. Видать, шашлык Татьяна собиралась делать, да Пашка свой шампур не вовремя достал... Ролан ухмыльнулся. Ему не нравилось, что встреча у реки обернулась двумя уже состоявшимися и еще одним потенциальным трупам. Но приятно было осознавать, что теперь у них с Зубодером есть кров над головой, жратва, а главное – транспорт, на котором они могут уехать отсюда когда и куда угодно.

Он нагнулся, снял с рыбака Кольки его слегка забрызганную кровью брезентовку, рубашку, стащил с него сапоги, брюки.

– Это... Это зачем? – услышал он женский голос.

Татьяна уже не скулила. Сидела на земле, со страхом и удивлением смотрела на него.

– Одежда мне нужна, не видишь? – ухмыльнулся Ролан. – Или я на человека не похож? На зверя лесного, да?

– Нет... А вы кто?

– Я твой прокурор, детка.

– Прокурор?!

– Да, твой личный... Сашка тебе кто? – спросил он, кивком головы показав на труп.

– Муж.

– Родной?

– Почти. Гражданский.

– А Колька?

– Друг его.

– А Пашка?

Два отдаленных выстрела слились в один. Зубодер стоял возле того места, где упал подраненный мужик, и деловито перезаряжал ружье.

– Все, нет больше Пашки! Сашка твой его убил.

– Сашка?! Он его не убивал, – потрясенно тряхнула головой Татьяна.

– Но хотел убить. И убил. За то, что ты с ним. А Колька за Пашку кишки ему выпустил. Ну а ты Кольку порешила. Зачем парня убила, а? Мужа стало жаль? Ну, я тебя понимаю...

– Я не убивала...

– Да, но мы-то с корешком все видели.

– Это вы... Это все вы!!! – вспенилась Татьяна.

– Закройся. И молчи. Если жить хочешь...

– Молчу, молчу, – мгновенно успокоилась она.

И зачем-то скосила взгляд на палатку, где совсем недавно предавалась греху. Кажется, она что-то задумала. Ролан не ошибся в своем предположении. Заглянув в палатку, он обнаружил охотничий карабин с оптическим прицелом. Оружие лежало поверх двух картонных ящичков, один из которых, наполовину вскрытый, до самого верху был наполнен банками с мясными консервами. Ролан даже не знал, чему радоваться больше – карабину или жратве. Есть хотелось невыносимо.

Он взял карабин, проверил, полна ли обойма. Все в порядке, патроны один к одному, ждут своего часа.

– Убить меня хотела? – хищно оскалился он, чем привел женщину в ужас.

Она в панике схватилась за голову.

– Нет! Что ты такое говоришь?

– Что думаю, то и говорю... Пристрелить тебя, что ли?

– Не надо! Я все сделаю!..

– Что ты сделаешь?

– Все!

Ролан понял, на что готова баба ради того, чтобы жить дальше. Но лишь снисходительно и в какой-то степени презрительно усмехнулся.

– Тогда накорми мужиков. Что там у тебя в котелке?

– Уха! Из налима! Очень вкусно! – засуетилась она. – И шашлык из осетрины!

– Накормишь?

– О чем разговор!

– И спирту бы.

– Все есть. Много есть... Пашка вчера перепил, сегодня опохмелился на свою... на нашу голову... Ко мне полез. И надо было ему так нажраться...

– Сучка не захочет, кобель не вскочит, – ехидно оборвал ее Ролан. И резко: – Ну чего стоишь, жрать давай!

Пока Татьяна разливала уху по мискам, Ролан набросил на себя брезентовку. Сел за стол, лицом к ней. Голова болит и кружится, перед глазами все плывет. Но у него еще есть силы следить за нею. Мало ли что у бабы на уме? Может,

кипятком в глаза плеснет...

– Ты, я смотрю, прибарахлился, – с одобрением сказал появившийся Зубодер.

Он и сам нес в руке трофеи – брезентовку и свитер, снятые с покойного.

– А штаны? – насмешливо спросил Ролан.

Он помнил, как Пашка убегал в одних трусах.

– А штаны эта найдет, – ухмыльнулся Зубодер. – Сама найдет и сама наденет. А потом снимет, когда я захочу... А я захочу! Как тебе, Татьяна, со мной спалось?

Она улыбнулась через силу и совсем не весело. Глаза опущены, на щеках стыдливый румянец... Раньше надо было девочку нецелованную строить.

Она поставила на стол две полные миски, тарелку с кусками черствоватого, но так вкусно пахнущего ржаного хлеба. Зубодер вмиг забыл о том, как хорошо ему было с Татьяной, и жадно набросился на еду.

– Ты бы пореже метал, – предостерег его Ролан.

Но Зубодер его не слушал. Сlopал одну порцию, запросил другую. Татьяна не скупилась. А там и рыбий шашлык на углях поспел. Зубодер запихнул в рот сразу два куска.

Ролану также невольно хотелось есть, но уху из своей миски он выбрал лишь наполовину, а из шашлыка позволил себе всего один кусок.

– Спасибо тебе, хозяйка, вкусно, – похвалил он.

– И сама ты вкусная! – осклабился Зубодер. – Братан, ты

можешь с ней, твоя была очередь. Ну а потом я, на всю ночь.

– Жмуров сначала убрать надо, чтобы ночевать, – покачал головой Ролан.

– А Танька на что? Такая и коня на скаку остановит. Ну, как у Пушкина...

– У Некрасова, – поправил его Ролан.

– Одна хрень, – ничуть не смутился Зубодер. – Танька приберется. А потом постелится... Да, Танька?

– Лучше всего уехать отсюда, – снова не согласился с ним Ролан. – И Таньку с собой... – И уже тише добавил:

– Вольту ей свою отдашь, пусть пальчики на ней оставит.

– Зачем?

– Не зачем, а для кого? Для прокурора... Ружье мы здесь бросим, а Таньку с собой заберем. На ружье чьи пальчики будут?

– Ее! – подхватил Зубодер. – Значит, она всех замочила!.. Ну ты голова, в натуре!.. А говорили, дырка у тебя в голове...

– Кто говорил? – нахмурился Ролан.

– Да какая разница? Все же знают, что у тебя в голове пластина...

– Пластина и дырка – это две большие разницы. Ты слышишь?

Ответить Зубодер не смог. Потому что не услышал Ролана. Его лицо исказила гримаса чудовищной боли. Руками хватаясь за живот, с воем он сполз с лавки, скрючился на земле.

– Что это с ним? – с надеждой на летальный исход спросила Татьяна.

Ролан подозрительно покосился на нее. Загнись он сейчас вместе с Зубодером, радости ее не было бы предела. А может, и пристрелила бы обоих... Нет ей веры. Но ведь и они сами не ангелы.

– Заворот кишок. Обожрался жлоб. Четыре дня ничего ни ел, а тут дорвался...

– В больницу его надо везти.

– В том-то и дело, что надо, – кивнул Ролан. – Живот ему резать надо, кишки на стол выкладывать...

– Зачем?

– А чтобы распутать, дура. А так подохнуть можно...

– Тогда ехать надо.

– Далеко?

– Не очень. Километров шестьдесят, до райцентра. Больница там...

– И ментовка... Нельзя нам в больницу. Беглые мы...

– Зэки?

– А ты думала, инопланетяне? – хмыкнул Ролан.

– Что же делать?

– Не знаю. Может, пурген дать, чтобы пронесло?

– А поможет?

– Не знаю... Травки бы какой.

– Зверобоя можно собрать.

– Ему бы с Чуйской долины травки, – усмехнулся Ролан.

Зубодер не был ему другом, но он мог назвать его своим соратником. Сколько верст вместе прошли, сколько натерпелись. Да и одной цепью они связаны. Ему было жаль его, но ничем он помочь ему не мог. Разве что вместе с Татьяной в райцентр отправить. Но тогда он точно в наручниках окажется, а сам Ролан останется без транспорта. Погоню по его следу направят. Нет, такой вариант отпадает. Так что у Зубодера выбор небольшой – или подохнуть из-за своей жадности, или выжить назло ментам...

Зубодер корчился на земле, пока не затих. Ролан подсел к нему, присмотрелся к нему. Дышит, значит, живой. Лицо все так же искажено болью, но видно, что ему полегчало.

– Как ты, братан?

– Э-э... – проблеял Зубодер.

Он открыл глаза, но на Ролана их не поднял – ни сил на это не было, ни желания.

– Жрать меньше надо... Ты лежи, может, пройдет...

Зубодер лежал не долго. Очередной приступ снова скрутил его в бараний рог. Но в этот раз его отпустило быстрее. Наблюдая за Татьяной, Ролан перетащил его в палатку поближе к консервам.

– Смотри не обожрись, – сострил он.

И, обратившись к женщине, сказал:

– Сам оклемается. Если повезет. А мне в порядок себя привести надо. Что ты там про спирт говорила? Полотенце, мыло и чистое белье давай!..

Воздух был теплым, земля прохладной, а вода почти ледяной. Но Ролана это не остановило. Уложив карабин на прибрежный камушек, он отогнал Татьяну подальше от берега, сделал несколько глотков из фляжки со спиртом, зашел в воду, ополоснулся, намылился.

Как ни странно, но холодная ванна придала ему сил. Он вышел на берег, насухо вытерся, затем с ног до головы облил себя спиртом. Опухшее от укусов тело дало знать о себе шипучей болью, зато когда она прошла, появилось легкое чувство комфорта. Чистое белье, чужая, но в полном комплекте одежда. Зеркала у Татьяны не оказалось, но Ролан и без того чувствовал, что стал похож на человека.

– Нормально? – обращаясь к ней, самодовольно спросил он.

– Хорошо, – нехотя кивнула она.

– Хоть под венец, да?

– Ну, можно...

– С тобой.

– Зачем со мной? – ужаснулась Татьяна.

– Что, не нравлюсь?

– Ну, в общем-то, ничего...

– Так в чем дело?

– Э-э, замужем я как бы...

– И даже не как бы... Нет у тебя мужа, теперь ты вдова.

Или нет?

Татьяна мотнула головой, опустила на землю, подобрвав

под себя ноги, закрыла лицо руками и разрыдалась.

– Поплачь, легче станет... А потом собираться будем...

Больше всего на свете Ролану хотелось завалиться спать – на мягкий матрас в палатке, под теплое одеяло, неплохо бы в обнимку с Татьяной, для большего комфорта. Но, увы, надо было как можно скорей убираться с этого усеянного трупами места.

Глава 6

Сколько помнил себя Дима Бабочкин, он всегда нравился слабому полу – сначала девочкам из своей школы, затем девушкам из техникума, в котором постигал мастерство слесарного искусства. Красивый парень, спортивный – отец, тренер по карате, с раннего детства заставлял его идти по своим стопам. Заглядывались на него и взрослые женщины – они-то и сыграли с ним злую шутку.

Школьная пора прошла в родном городке Гачкине, а техникум находился в Черноземске. Жил он в общежитии, денег, высылаемых родителями, катастрофически не хватало. Но в один прекрасный момент он познакомится с доброй тетенькой, которая сначала уложила его к себе в постель, а затем поселила в своей квартире. Так он жил на всем готовом, получал небольшие деньги на карманные расходы. Со временем требования его возросли: он пристрастился к ночным клубам, ему хотелось хорошо одеваться, знакомиться с красивыми девочками – со всем отсюда вытекающим. В конечном итоге он разругался со своей покровительницей и был совсем не вежливо выставлен за дверь. Он забрал с собой все свои вещи, а также прихватил дорогой набор столового серебра. Тетенька нашла его в техникуме, потребовала вернуть пропажу, но Дима образно послал ее на три буквы. Она пригрозила ему милицией, он ответил ей тем же. На тот мо-

мент ему еще не исполнилось восемнадцати, и его благодетельница запросто могла угодить за решетку за соvrащение несовершеннолетних.

Столовое серебро он продал через знакомого студента, вырученные деньги прокутил в ресторане с одной смазливой крошкой. Когда от бублика осталась одна только дырка, познакомился с миловидной и, что важно, состоятельной женщиной лет тридцати пяти. Поселился у нее в квартире, стал жить на всем готовом, не забывая время от времени о своих молоденьких подружках. В конце концов он был уличен в неверности, обвинен в транжирстве и вычеркнут из личной жизни очередной благодетельницы. В этот раз он унес с собой золотой перстень с настоящим изумрудом. Продал его, прогулял, а потом появились товарищи из уголовного розыска, взяли его под белые ручки и отвезли в отделение. Но вскоре обкраденная женщина вынуждена была отозвать выдвинутое в его адрес обвинение в обмен на согласие Димы забрать свое заявление, в котором он слезно поведал, как подло был соvrащен и нагло использован великовозрастной развратницей. Женщине еще пришлось раскошелиться, чтобы следствие позволило ей сделать обратный ход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.